

Светлана В. Кабакова

Образное основание идиом

Психолингво-культурологические аспекты

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Begründet von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof
Herausgegeben von
Gerd Freidhof, Peter Kosta, Holger Kuße
und Franz Schindler

Band 133

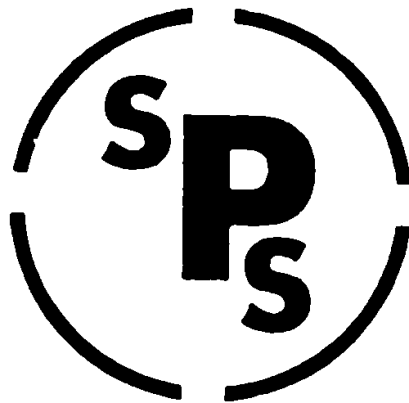
С.В. Кабакова

Образное основание идиом ПСИХОЛИНГВО- культурологические аспекты

•
VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

2002

PVA
2002.
2934

Verlag Otto Sagner, München 2002.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Völker und Ritter GmbH, Marburg/Lahn.

ISBN 3-87690-787-X
ISSN 0170-1320

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Глава 1	
Исследование категории образности в психологии и лингвистике	13
1.1. Феноменологические свойства мыслительного образа	14
1.2. Понятия „абстрактное” и „конкретное” в отношении мыслительного образа	19
1.3. Экспериментальное исследование особенностей восприятия идиом методом вербального семантического дифференциала	22
1.4. О природе образного мышления	27
1.5. Роль образности в понимании значения идиом	31
1.6. Культурная коннотация идиом	41
Глава 2	
Рефлексы пра-логических форм мышления в семантике идиом	51
2.1. Особенности пра-логического мышления	52
2.2. Идиомы как отображение „коллективных представлений”	54
2.3. О сходстве идиомы и ритуального текста	59
2.4. Особенности языка первобытных народов. Идиомы как отображение „визуальных понятий”	64
2.5. Ситуативный и полипризнаковый характер идиом	66

2.6. „Образ мира” в идиомах	68
2.7. Идиома как элемент внутренней речи субъекта культуры.....	69
2.8. Буквальное прочтение образа как отображение следов мифологического (пра-логического) сознания в семантике идиом	72

Глава 3

Экспериментальное исследование восприятия образного основания идиом	79
---	----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
-------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	121
-------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Объектом настоящего исследования являются идиомы - образные единицы языка, которые по своему содержанию гораздо богаче слова: „идиомы внутренне сложны, но вместе с тем несут объемную информацию; они внешне аномальны, но за счет этого обретают разноаспектную информационную „память““ (Телия 1996, 152), что позволяет говорить об этих единицах языка как о своего рода микротекстах (Телия 1996, Ковшова 1996).

Предмет исследования - образное основание идиом или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы. Эта сущность осознается при восприятии буквального значения идиомы. Образное основание рассматривается в работе в нескольких ракурсах: с точки зрения его восприятия носителями языка (психологический аспект), как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму (лингвистический аспект), и, наконец, как содержание, соотносимое с «языком» культуры - эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч. (культурологический аспект).

Образ как категория сознания хорошо изучен в психологии. Имеется ряд типологий образных явлений (Ф. Олпорт 1975, М. Осорина 1976), описаны феноменологические свойства образа, зависящие от условий восприятия (Дж. Брунер, Дж. Гибсон, Э. Титченер, В. Келер, К. Коффка и др.), прослежены этапы формирования образа как в акте восприятия (В.Ф. Петренко, Дж. Гибсон), так и в онтогенезе в целом (Ж. Пиаже, К. Бюлер, Л.С. Выготский), выявлена роль образа в таких познавательных процессах, как воображение, мышление, восприятие и память (К. Дункер, М. Вертгеймер, К. Коффка, О. Кюльпе, А.Пейвио, Р. Арнхейм, Б.М. Величковский, В.В. Петухов и др.). Что касается восприятия слова, а следовательно, и языкового

образа, то эта проблематика нашла отражение в исследованиях смежных дисциплин - психосемантике и психолингвистике. В психосемантике основной акцент ставится на исследование категориальной структуры индивидуального сознания (Ч. Осгуд, А. Пейвио, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др.), в психолингвистике - на роль языковых структур в развитии познавательных процессов, а также на соотношение между языковыми и когнитивными структурами (Р. Гиббс, Дж. Лакофф и др.). Образные основания фразеологизмов служили объектами исследования как в психосемантике и в психолингвистике, так и в лингвистике. В первом случае - при исследовании структур так называемого „обыденного сознания” (В. Ф. Петренко 1983, Ю.А. Сорокин и др.); во втором - в связи с проблемой когнитивного описания значения фразеологизмов и роли образности в понимании их значения (Д.О. Добровольский, А. Н. Баранов, В.Н. Телия, Дж. Лакофф, К. Качари, С. Глаксберг, Р. Румиати и др.).

Настоящая работа является продолжением темы исследований, связанных с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике. В ней предпринята попытка описания различных типов информации, которую содержат в себе эти единицы языка, и способов ее осознания - „извлечения” и „обработки” - «рядовым» носителем языка. В работе также предпринята попытка описания феноменологических свойств образа, возникающего в сознании носителей языка при восприятии ими идиом.

С лингвистической точки зрения образное основание идиомы рассматривается как один из компонентов значения фразеологизма, наряду с денотативным, оценочным, эмотивным, эмоциональным и стилистическим признаками. Ключевой в данном случае является проблема выявления

роли образа как такового в понимании значения идиомы носителями языка в ситуации речевого общения.

И, наконец, культурологический аспект исследования образного основания идиом связан с тем, что образ традиционно понимается как способ воплощения и передачи смыслов, значимых для данной культуры (Тернер 1983, Топоров, Иванов, Лотман 1992, Юнг и др.). Применительно к идиомам эта идея нашла свое отражение в понятии культурной коннотации, разработанном В.Н. Телия (Телия 1991, 1996). В связи с этим продолжает оставаться актуальным вопрос о том, как культурное содержание, воплощенное в идиоматическом образе, прочитывается современными носителями языка и каковы механизмы, лежащие в основе формирования и восприятия культурной коннотации идиом.

Как уже было отмечено, проблемы, связанные с образностью фразеологических единиц, а значит, и с образностью как таковой, стали особенно актуальны в связи с представлением значения фразеологизма в виде набора семантических признаков-макрокомпонентов: денотативного, рационально-оценочного, мотивационного, эмоционально-оценочного, или эмотивного, и стилистического, для каждого из которых предусмотрена процедура метаязыкового описания (см. Телия 1996). Эта идея была предложена В.Н. Телия (1991) для Автоматизированного толкового-идеографического словаря русских фразеологизмов и нашла дальнейшую разработку в исследованиях В.Н. Телия и ее соавторов - А.Н. Баранова, Е.Г. Беляевской, Т.А. Графовой, Д.О. Добровольского, М.Л. Ковшовой, О.В. Латиной, И.Г. Носенко, Т.З. Черданцевой и др.

Поскольку в этой модели образное основание фразеологизмов выделено в отдельный макрокомпонент, «возглавляющий» прагматически ориентированный коннотативный спектр значения, представляется необходимым из-

ложить эту модель с целью указания на те проблемы, которые связаны как с содержательной характеристикой самого образного основания мотивационного компонента, так и с воздействием образа на весь спектр значения идиомы.

Итак, макрокомпонентная модель значения фразеологизмов - идиом представлена пятью «блоками» информации.

1. **Денотация (денотат)** - информация о так называемой объективной действительности, процедура, связанная с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом (Д).

В качестве когнитивного оператора, представляющего собой метаязык описания процедуры референции, т.е. соотнесение типового образа с тем или иным знанием о его свойствах, используется предикат *знать*. Например, *трястись над каждой копейкой* - „знай, что X чрезмерно не любит расходовать деньги и/или расходует их чрезмерно экономно“ (Телия 1996, 105).

2. **Оценка** - тот тип информации, который содержит сведения о ценности обозначаемого (О). „Сама оценка имеет разные аспекты - утилитарные, гедонистические, морально-нравственные и т.п., т.е. реестр этих аспектов зависит от того, какую ценность усматривает субъект в объекте“ (там же, 127). Идиомы могут иметь в своем значении как *фиксированную*, так и *нефиксированную* оценку. Последняя зависит от *эмпатии* говорящего/слушающего.

Можно говорить о трех типах оценок - *рациональной оценке*, *чисто эмоциональной* и *эмотивной*.

„Когнитивное содержание рациональной оценки - это мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства“ (там же, 186). „Процедура оценивания описывается через оператор *считать, что...*“

(там же, 110). Об эмоциональной и эмотивной оценках см. ниже.

3. **Мотивационный макрокомпонент (М)** значения „соотносится с тем феноменом, который принято называть мотивом переосмысления, образным основанием, ассоциативно образным комплексом и т.п. Мотивационный макрокомпонент значения соотносится с понятием *внутренней формы* наименования как способа организации его значения” (Телия 1996, 40). „Понятие мотивированности определяется как способность „буквального” прочтения идиомы (в том числе и звукового ее восприятия) ассоциироваться по смыслу с денотативным и рационально-оценочными аспектами значения” (Телия 1991, 28).

В макрокомпонентной модели значения фразеологизма выделяется несколько видов мотивации, а именно, *звуковой* (например, *олух царя небесного* (по *олух*), *морфологической* (например, *шевелить мозгами* (по творительному инструментальному), *синтаксической* (например, *умом не вышел* (по схеме X-ом не вышел: ростом, рылом и т.п.) и, наконец, *смысловой*, которая может быть трех видов в зависимости от того, какой тип образа лежит в основе идиомы: пространственно вообразимый („вещный” или событийный), например, *пугало огородное*; умозрительный, например, *семь пятниц на неделе, без задней мысли* или содержащий элемент с символьным прочтением (*взять в руки, иметь руку, держать в руках*, где *рука* выступает в качестве „квазиэталона” „власти” (см. подробнее Телия 1991, 1996). Кроме того, характер мотивации зависит от тропа, „как средства транспозиции исходного образа в форму значения идиомы: метафора, метонимия, „квазисимволы”, „квазиэталон” и др. Эти и другие типы мотивации нашли отражение в „Макете словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов” (1991).

Метаязыковое отображение мотивационного макрокомпонента, т.е. осознание „образного гештальта” (по Телия) рассматривается как процедура, содержанием которой является значение операторов *вообразить* (т.е. умственно нарисовать) и *представить себе* (т.е. знать и умственно воссоздать некоторое „положение дел“): *вообразить/представить себе* как если бы имеет место то, что соответствует *буквальному прочтению, редуцированному до гештальт-структуры*”“ (там же, 195).

Однако, уже в статье (Телия 1991) отмечены метаязыковые и онтологические трудности, связанные с разведением трех видов смысловой мотивации - конкретного образа, образа умозрительного и символьного прочтения какого-либо компонента образа. Далее, „в связи с самим понятием конкретности или „вещности” образа, возникают проблемы описания, когда в образ входит компонент, награжденный символическим прочтением. Например, в идиоме *держат язык за зубами* (ср. также *язык заплетается, прикусить язык*) компонент *язык* воспринимается и в составе конкретного образа как орган речи и в то же время метонимически прочитывается как результат речи... Более интересны случаи, когда в образ входит квазисимвол или имя символа (ср. *болеть душой/сердцем* или *нести крест*)” (там же, 30). Таким образом, оставалось неясным, каков онтологический статус, например, „квази”-единиц, и каковы способы оперирования ими в языковом сознании говорящего vs. слушающего, т.е. как субъект воспринимает эти сущности - в составе „целого” образа или как его компоненты, обладающие некоторой „самостоятельностью”.

Отметим еще раз, что несмотря на очевидность того, что образные основания таких идиом как, например, *вешать лапшу на уши* и *дать сто очков вперед, за тридцать земель, Бог забрал* отличаются, а именно, первое можно назвать „вещным”, конкретным, а второй -

умозрительным, в уточнении нуждается их метаязыковое описание. На основании экспериментального исследования требовалось выяснить, каковы отличия в восприятии идиом с разными образными основаниями. Кроме того, использование в качестве метаязыка терминов „конкретный“ vs. „умозрительный“ в отношении образа, требовало теоретического обсуждения, поскольку существующее в психологии феноменологическое представление об образе, как о содержании сознания, снимает это противопоставление (см. Р. Арнхейм, Ф. Бартлетт, Э. Титченер, Ч. Осгуд и др.)

Итак, „мотивированность определяется наличием в идиоме „живого“ образного основания. Это тот блок информации, который указывает на осознание образа, или образной гештальт-структуры (по О.В. Латинской), а также на все типы „сигналов“, которые гештальт-структура возбуждает в воображении vs. сознании“ (Телия 1996, 199). Предполагалось, что в процессе восприятия идиомы образное основание её может выступать, по крайней мере, в пяти функциях: как основание для концептуализации и категоризации действительности; в роли собственно эмоциогенного стимула; в роли „подсказки“ для культурной интерпретации идиомы, т.е. соотнесения образа с концептами, символами, эталонами, стереотипами и мифологемами культуры, что составляет содержание культурной коннотации; в роли мотивации, вызывающей эмоциональное отношение; как фактор, определяющий стилистическую маркированность идиомы (В.Н. Телия 1996).

4. „Эмотивность (Э) - это содержание субъективной модальности, выражающей и чувство-отношение говорящего к обозначаемому, стимулированное образной гештальт-структурой... В процедурном режиме она вводится когнитивным оператором *испытай*. Например, *змея подко- лодная* - „знай, что X - коварен, считай, что это „плохо“,

вообрази, что X - змея (змея подколотная), *испытай* чувство неодобрения... Эмотивная оценка награждена *иллокутивной силой*: она побуждает испытывать данное чувство-отношение и является в конечном счете реализацией определенного иллокутивного намерения, вызывая в случае коммуникативной удачи соответствующий перлокутивный эффект (Телия 1996, 213, 232, 118).

Думается, что в самой возможности выражения говорящим эмоций, чувств и отношений прослеживается и такая функция идиом, которую можно было бы назвать „психотерапевтической“. По мнению Т.З Черданцевой, для косвенного выражения реакции, своего отношения к происходящему существуют не только идиомы, но именно идиомы являются квинтэссенцией выражения эмоционального отношения говорящего к тому, что происходит в мире (Черданцева 1990, 73). Представляется, что психотерапевтический эффект обуславливается и тем, что будучи конвенциональными и культурно-маркированными, эти единицы языка как бы гарантируют говорящему понимание со стороны слушающего внутри своей социокультурной ниши.

„Эмотивность, или эмотивная коннотация, - это не только след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения,.. но еще и результат интерпретации образного основания в категориальном пространстве культуры: гармония с этими установками выражается в спектре положительных чувств-отношений в диапазоне одобрения, а дисгармония - в диапазоне неодобрения (презрения, осуждения, пренебрежения, уничтожения и т.п.)” (Телия 1996, 232).

В указанной модели эмоциональная реакция на образ включена в эмотивность. Однако нам представляется, что эмоциональный компонент значения идиомы - еще один сигнал, который носители языка распознают в образном основании идиомы. Эмоциональная реакция связана не

только со свойствами обозначаемого (денотата) - (например, идиомы *выйти из себя*, *кошки на душе скребут* описывают „плохие“ эмоции) - такую реакцию было бы точнее назвать *рациональной оценкой*, но в первую очередь с реакцией на *образ* как таковой (безотносительно референта), т.е. на *буквальное* восприятие образа. Например, в идиоме *змея подколотная* образ змеи вызывает общее *негативное чувство*. Неприятное переживание, связанное с чувством опасности, это и есть собственно эмоциональная реакция на образ. Иными словами, „чувственная ткань“ образа (по А. Н. Леонтьеву) и является основанием для его эмоционального переживания.

Итак, эмоциональная реакция - прямая реакция на образ, в то время как эмотивность - «восприятие» образа в контексте культуры и переживаемое в связи с этим чувством отношение. Она связана со способностью образной гештальт-структуры выполнять еще одну функцию - «связывать значение идиом с культурно-национальными коннотациями - интерпретацией образа в категориях культуры» (Телия 1996, 201).

Таким образом, в экспериментальной проверке нуждалась гипотеза о различении двух видов реакций на образное основание идиомы - эмоциональной реакции и эмотивного отношения.

5.4. Культурная коннотация - это соотнесение денотативного или образно мотивированного аспектов значения с концептами, стереотипами, эталонами, символами, мифологемами и т.п., т.е. с тем, что можно называть «языком» культуры. „Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание (в том числе включающее в себя культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в

знаковом культурно-национальном „пространстве“ данного языкового сообщества“ (Телия 1996, 215).

В работах (Телия 1991, 1996, Ковшова 1996) отмечается, что культурные компоненты могут быть включены в содержание идиомы как непосредственно - „в их состав могут входить слова, содержащие в своих „обычных“ значениях культурные семы (КС) (*лезть на рожон, Мамаево побоище* и т.п.)“ (Телия 1991, 75), так и опосредованно - через соотнесение образов конкретных идиом, составляющих одно идеографическое поле, „с общей для них „корневой“ метафорой, которая и интерпретируется на языке культуры“ (там же, 76). Так, например, для идиом *у черта на рогах/куличках/на болотах, куда Макар телят не гонял* корневой метафорой будет метафора „чужого“, а значит опасного пространства, что на языке культуры маркируется как нечто отрицательное. Таким образом, в ряде случаев когнитивный механизм культурной коннотации видится как состоящий по крайней мере из двух этапов: соотнесение образа конкретной идиомы с „корневой“ для него метафорой и последующая интерпретация этой метафоры на «языке» культуры, т.е. соотнесение ее с культурными установками, мифологемами и др. Возникает вопрос, осознается ли эта базовая метафора носителями языка? Если не осознается, то в каком виде она существует в сознании?

С другой стороны, мы полагаем, что существует целый пласт идиом, в состав которых входят элементы, имеющие архетипическое основание. Такие идиомы культурно значимы сами по себе, поскольку включают в свой состав „базовые“ образы, которые непосредственно ассоциируются с установками культуры. В частности, это идиомы, в состав которых входят „квазисимволы“ (например, *не выносить сор из избы, как рукой сняло, выводить на чистую воду, кровь заговорила, руки не*

доходят, *сердце надывается*). В этом случае образ превращается в своего рода текст, элементы которого могут быть прочитаны в коде культуры (см. Н.Д. Арутюнова 1991). Таким образом, для ряда идиом можно предположить существование еще одного механизма культурной интерпретации их значения.

5. **Стилистическая „окраска“ (С)** - „это знание о социальных условиях речи и об уместности/неуместности выбора данной идиомы в процессах коммуникации“ (там же, 101). „Стилистическая маркированность самым непосредственным способом связана с характером мотивации“ (там же, 127).

Таким образом, в рассматриваемой макрокомпонентной модели значения идиомы, „внутренняя форма“ или *образная гештальт-структура* в процессе категоризации передает часть своих признаков в *типовое представление* (денотат), но при этом она выступает и в роли *квазиденотата* с его мотивационным, эмоциональным, эмотивным и стилистическим компонентами. Кроме того, согласно гипотезе В.Н. Телия, образная гештальт-структура „связывает значение идиом с *интерпретацией языка в категориях культуры*“.

В изложенной модели представленные макрокомпоненты описаны в условно-линейной последовательности, однако предполагается, что в процессе коммуникации носители языка симультанно воспринимают все сигналы, которые в „свернутом“ виде содержатся в образе.

Первая и вторая главы работы посвящены теоретическому обсуждению перечисленных выше проблем, третья - экспериментальному исследованию образного основания идиом.

The first part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz. The second part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The third part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The fourth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The fifth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The sixth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The seventh part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The eighth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The ninth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

The tenth part of the paper is devoted to the study of the asymptotic behavior of the solutions of the system (1) as $t \rightarrow \infty$. It is shown that the solutions of the system (1) tend to zero as $t \rightarrow \infty$ if and only if the matrix A is Hurwitz.

Глава 1

Исследование категории образности в психологии и лингвистике

Один из первых вопросов, сформулированных в связи с анализом значения фразеологизмов, связан с метаязыковым описанием его образного (мотивационного) компонента, а именно, различие идиом, образное основание которых носит конкретный или „вещный” характер, и, следовательно, пространственно вообразимо, и идиом, образное основание которых носит характер умозрительный (Телия 1991). Предполагалось, что образы идиом первого типа (*пятое колесо в телеге, биться как рыба об лед*) можно пространственно вообразить, в то время как образы вторых (*дать сто очков вперед, в конце концов, за тридцать земель и др.*) - только умозрительно представить. В процедурной записи, отображающей процесс когнитивной обработки образного компонента значения идиомы, могли быть использованы операторы „вообрази” и „представь себе”, соответственно.

Однако, в (Телия 1991) отмечается, что само понятие конкретности („вещности”) образа нуждается в теоретическом осмыслении. Добавим, что в обсуждении нуждается сама категория образа (образности), валидность предложенной типологии идиом, а также метаязыковое отображение соответствующих ей когнитивных процедур. В связи с этим, обратимся к обзору психологических исследований, касающихся образа как категории сознания и его феноменологических свойств.

1. 1. Феноменологические свойства умственного образа

В свое время Р. Арнхейм, основатель психологии искусства, отмечал, что понятие „умственный образ“ смущает нас, поскольку оно предполагает полный, красочный и верный отпечаток ... объекта, осязательно плавающий в уме. По мнению Арнхейма, немецкое слово *Vorstellung* (представление) менее эмпирическое, оно избегает этого подтекста и потому представляется более подходящим, но его значение неясно. Иногда оно передается на английском языке словом *representation* (представление) - термином, который показывает, какую роль должно выполнять данное явление, однако не описывает природы самого явления (Арнхейм 1981).

Так что же такое образ? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно дать только определение этой сущности (в качестве рабочего мы будем использовать определение, данное в психологическом словаре: образ - это чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную форму (Психологический словарь 1996, 228)). Представляется, что лучшим ответом на этот вопрос будет феноменологическое описание свойств, присущих этому субъективному способу представления реальности.

1. Итак, мыслительные образы - не картинки в привычном понимании этого слова. Прежде всего для умственного образа характерна неполнота. На это свойство ментального образа обратили внимание гештальт-психологи (М. Вертгеймер, К. Келер, К. Коффка и др.). Так, один из подопытных К. Коффки в ответ на словесный стимул „юрист“ сказал: „Вижу портфель в руке!“, при этом предполагалось перцептивное присутствие того, что

субъект не воспринимал - „юрист присутствует, но большая его часть не видна...” (Арнхейм 1981, 103). Э. Титченер указывал на то, что неполнота умственного образа - это не просто дело фрагментации или недостаточно ясного понимания, это положительное качество, которым отличается умственное восприятие предмета от физической природы самого предмета (см. Арнхейм 1981).

Феномен неполноты, „небуквальности“ образа памяти нашел объяснение в работах Ф. Бартлетта (см. Бартлетт 1959). Занимаясь проблемой припоминания осмысленного материала, он пришел к следующим выводам:

1) Припоминание практически никогда не бывает буквальным;

2) Эти изменения включают не только пропуски (как следствия забывания), но и качественные модификации и даже привнесение нового материала. Более того, изменения происходят в соответствии с тем общим принципом, по которому материал преобразуется в форму, соответствующую познавательным нормам, которые приняты в данной социальной среде.

3) При припоминании меняется расстановка акцентов на различных частях материала. Наиболее интересное и значимое - доминирующие детали - сохраняются в памяти, выполняя функцию ориентиров, на основании которых может восстанавливаться остальная часть материала.

Таким образом, по мнению Бартлетта, „большая часть нашего опыта не сохраняется в явном и конкретном виде, а ассимилируется схемами, с помощью которых возможно не только преобразование исходной информации, но и ее последующее восстановление“ (цит. по Б. Величковский 1982, 106-107).

Итак, образы-представления или собственно мыслительные образы лишены ярких деталей, и за счет этого схематизированы, осмысленны. К ним относятся когни-

тивные схемы и когнитивные карты, эталоны поведения, схемы действий, фреймы, сценарии, прототипы, и т.п. (см. Ч. Филмор, М. Минский, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Пиаже и др.).

2. Неполнота умственного образа связана с выполнением им смысловой функции - „образные модели и схемы являются собственно мыслительными продуктами, в них пространственно воплощается некоторая наглядно выраженная общая идея“ (Арнхейм 1970), что позволяет говорить о том, что „уже в перцептивной сфере зарождаются основы концептов“ (Осорина 1976).

Содержательность образа, по мнению Н.Д. Арутюновой, позволяет искать в нем истоки и предпосылки развития семиотических концептов: „Все то, что связано с человеком - город, родина, родной дом, страна, поселение и т.п. - способно получить смысл, а следовательно, и породить образ. Сам факт появления образа в сновидении или даже наяву воспринимается семиотически именно потому, что образ не мыслится в отвлечении от смысла - пусть неясного или даже непостижимого“ (Арутюнова 1996).

3. Образы мышления могут быть обобщенными, оставаясь в то же время конкретными. Иными словами, обобщенный образ может обладать всеми признаками конкретного образа, он всегда связан с определенной чувственной модальностью (зрительной, слуховой, кинестетической и проч.). Однако, его функция не в том, чтобы отображать вещи (что характерно для перцептивных образов), а отражать принцип решения той или иной мыслительной задачи. Мыслительные образы - это образы-символы, т.е. чувственно-конкретные способы представления «задачи».

Надо сказать, что образ является способом или формой представления не только решенных задач, но также задач, которые нами не решены, но над решением которых

мы работаем (осознанно или бессознательно) (ср. с „образом мира“ - „системой ожиданий, порождающих гипотез, на основе которых структурируются и идентифицируются отдельные чувственные впечатления“ (Смирнов 1981)).

В качестве иллюстрации к ним приведем отрывок из „Семи вечеров“ Х.Борхеса: „Когда я что-то пишу, то чувствую, что это существовало раньше. Я иду от общего замысла, мне более или менее ясны начало и конец, а потом я пишу середину, но мне не кажется, что это мой вымысел, я ощущаю, что все так обстоит на самом деле. Именно так, но оно скрыто, и мой долг поэта обнаружить его“. Хотя в отрывке речь идет об образах, которые существуют как бы изначально, их невыявленность, потенциальность позволяют называть их образами будущего. Представляется, что эти образы связаны с такими переживаниями или с чувствами как, например, чувство уверенности (что все обстоит именно так), а их функция состоит в том, чтобы „сообщать“ субъекту об успешности или неуспешности его деятельности (см. так же Виллонас 1990).

4. Чаще всего образ понимается как зрительный, однако, обращение только к поэтической или к художественной метафоре, позволяет говорить о том, что образ может переживаться в самых разных модальностях: чувственно-эмоциональные образы могут быть визуальными, тактильными, кинестетическими и проч. Иными словами, можно сказать, что ментальные образы *поли-модальны*. Полимодальное, т.е. и зрительное, и слуховое, и осязательное восприятие образа, присуще самой природе человеческого сознания и связано с таким его свойством, как *синестезия*, т.е. способность видеть звук, чувствовать запах цвета или ощущать зрительный образ. Для пояснения этот тезиса приведем еще одну цитату из „Семи вечеров“ Борхеса: „Я чувствую красоту физически, как нечто ощу-

тимое, всем телом. Это не следствие рассуждений, мы не постигаем красоту по законам, мы ощущаем ее или не ощущаем“.

5. Следующей характеристикой умственного образа является его целостность. О способности образа синтезировать различные чувственные впечатления писал еще И. Кант. Работу воображения он назвал „фигурным синтезом“. Без этого первичного синтеза не может быть осуществлена работа мышления, т.к. аналитическая работа последнего может быть произведена только над тем многообразием, „которое было каким-то образом просмотрено и связано“ (Кант 1964, 173).

6. Особое место занимает понятие „образа мира“, разработанное в работах Ж. Пиаже, А.Н. Леонтьева, Д. Смирнова, В.В. Петухова, и др. Под „образом мира“ понимается „целостное представление о мире, создающее фон, который „предваряет любое чувственное впечатление... Образ мира является ядерным образованием по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде чувственно (модально) оформленной картины мира“ (Смирнов 1983, 61). В этом смысле „образ мира“ является „амодальным“, т.е. он является тем фоном, который предваряет любое чувственное впечатление (см. также Петухов 1984).

7. Образы связаны с *аффективной сферой* человека (см. Фрейд, Юнг), поскольку „в формировании образа участвует эмоциональное отношение к объекту“ (Арутюнова 1996, 113). Именно поэтому „имя образ легко сочетается с эмоционально-оценочными определениями“ (там же, 113). Связь образа с эмоциями, чувствами и переживаниями говорит о том, что образ сопряжен с тем, что в отечественной психологии называется *личностным смыслом* - значением „для меня“ (Леонтьев, Выготский).

Итак, феноменологическими свойствами ментального образа - субъективного способа представления

реальности - являются обобщенный и в тоже время чувственно-конкретный характер, благодаря которому образ способен „сообщать” об эмоциях и чувствах, полиmodalность, целостность и содержательность.

Более подробно остановимся на таких свойствах образа, как „конкретность” и „абстрактность”.

1.2. Понятия „абстрактное” и „конкретное” в отношении мыслительного образа

Выше отмечалось, что мыслительные образы могут быть обобщенными, оставаясь в тоже время конкретными. Действительно, в психологии уже стало общим местом положение о том, что термины „конкретное” и „абстрактное” ни в коей мере „не могут служить для сортировки видов опыта по двум контейнерам” (Арнхейм 1981, 99). Так, по мнению Р. Арнхейма, они не являются ни антонимами, ни принадлежат к двум взаимоисключающим популяциям. Конкретность - это свойство всех вещей, физических и умственных, но многие из этих же самых вещей могут служить абстракциями (Р. Арнхейм, там же). Последнее положение Арнхейм убедительно продемонстрировал в эксперименте, в ходе которого просил испытуемых представить в виде рисунков абстрактные понятия, и те без труда справлялись с заданием (см. также Осорина 1976). Способность человека чувственно представить абстрактные сущности явствует не только из психологических исследований и клинических методик (например, рисуночный тест „Пиктограмма”, суть которого заключается в том, что субъекту предлагается зарисовать абстрактные понятия типа „тишина”, „развитие”, „разлука”, „веселый праздник”, и т.д.), но в первую очередь из

обращения к миру искусства - поэзии, музыке, живописи, скульптуре и т.п. Кроме того, метафора - как один из основных принципов человеческого мышления - строится на взаимодействии абстрактного и чувственного-конкретного.

А. Пейвио рассматривал образные и вербальные процессы как альтернативные кодовые системы, происхождение и функция которых проявляются в пространстве „абстрактное - конкретное“ в зависимости от значения стимула (например, понятия, имеющие эмоциональную окраску, вызывают чувственные образы), а также в зависимости от характера экспериментального задания. Более конкретные стимулы, по данным А. Пейвио, с большей вероятностью вызывают образы. Количество вербальных ассоциаций возрастает с абстрактностью задания.

Так, в исследовании, выполненном А. Пейвио (см. A. Paivio 1971, 199-204, см. также: Петренко 1983), выявлялись коэффициенты образности, конкретности - абстрактности и ассоциативной значимости для 925 английских существительных. Под образностью А. Пейвио понимает способность испытуемых представить содержание значения слова (например, слов „солнце“, „тишина“ или „тяжесть“) в виде образа любой модальности, а под конкретностью - абстрактностью - доступность денотата (предметной отнесенности) значения слова восприятию органами чувств. Эта работа показала, что существует высокая корреляция между конкретностью и образностью слова (и, соответственно, отрицательная корреляция между образностью и абстрактностью), однако, для некоторого класса слов эта закономерность не проявилась. Так, для слов, имеющих сильную эмоциональную окраску, коэффициенты образности получили высокую оценку, в то время как коэффициенты конкретности - низкую, а многие научные термины имели высокий индекс по шкале

конкретности и низкий по уровню образности. Иными словами, образность связана с такими параметрами как конкретность с одной стороны, и эмоциональная значимость, с другой.

Рассмотрим еще одну работу (Фрумкина 1984), не прямо, но косвенно касающуюся интересующей нас проблемы. Цель работы состояла в исследовании семантических отношений на материале слов-цветообозначений, причем слова носили как „конкретный” (полисемантические прилагательные типа *огненный, молочный, брусничный*), так и „абстрактный” характер (моносемантические слова, например, *алый, рыжий, бурый, синий*). В эксперименте акцент ставился не на восприятии этих слов как таковых, а на способах их категоризации. В частности, в результате работы были выявлены типы классификаций слов-цветообозначений, отражающие различные стратегии семантической организации лексем, причем были стратегии, связанные со значимым для нас признаком - „конкретность” (например, цвета, „относящиеся к ягодам”, „драгоценные камни”) но имелись и независимые от него классификации (например, классификация по принципу цепочки: *белый, перламутровый, серебристый, стальной, серый, грифельный, черный*). Таким образом, один и тот же материал может быть воспринят или как „конкретный”, или как „абстрактный”, в зависимости от индивидуальных особенностей испытуемых.

Возвращаясь к вопросу о восприятии идиом, можно предположить, что образ, возникающий в сознании носителей языка, будет обладать всеми свойствами мыслительного образа, а именно, он будет не полным, а „редуцированным до гештальта” (см. Телия 1996), но при этом чувственно конкретным и полимодальным.

1.3. Экспериментальное исследование особенностей восприятия идиом методом вербального семантического дифференциала

В качестве экспериментального метода, с помощью которого могла бы быть проверена гипотеза о полимодальности образного основания идиом, был выбран метод вербального семантического дифференциала, предложенного, как известно, Ч. Осгудом (С. Osgood 1964). Эксперимент проводился с целью показать, что образ, который создает идиома, - не картинка, точнее не только картинка (см. Р. Арнхейма 1972), это скорее коллаж, в построении которого участвуют самые разные „материалы“, самые разные ощущения: зрительные, слуховые, осязательные и т.д. Кроме того, в ходе эксперимента мы надеялись выявить особенности восприятия идиом с „вещным“, и с „умозрительным“ образным основанием.

В качестве исследуемых объектов выступали 15 идиоматических выражений из идиографического поля „смерть“. Экспериментальный материал был представлен идиомами с „вещными“ и „умозрительными“ (подчеркнуты) образными основаниями: *одеть деревянный тулуп, покончить с собой, заснуть вечным сном, руки на себя наложить, одеть пеньковый галстук, доской накрыться, закатились глаза, лечь под дерновое одеяльце, сыграть в ящик, испустить дух, отойти от мира сего, бог забрал, его теперь не докличишься, привел бог к концу, душа вон.*

В качестве оценочных шкал использовались 16 пар прилагательных-антонимов, охватывающих весь спектр ощущений: зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и вкусовых (например, *легкий - тяжелый, твердый - мягкий, свежий - затхлый, теплый - холодный*).

Кроме того была добавлена пара „невообразимый - легкопредставимый“ в качестве контрольного маркера.

Испытуемые: 18 человек в возрасте от 25 до 50 лет с высшим и средним образованием.

Процедура эксперимента. Испытуемых просили оценить по семибалльной шкале (от -3 до +3) наличие того или иного ощущения, представленного прилагательным, в каждом идиоматическом выражении. Оценка +3, например, по шкале „глухой - звонкий“, означала, что образ данной идиомы субъективно воспринимался как „звонкий“ в достаточно большой степени; оценка +1, соответственно, что образ лишь отчасти можно оценить как „звонкий“; оценка -3, что образ воспринимается как „очень глухой“. Если испытуемые затруднялись ответить определенно или данный идиоматический образ не обладал качеством, задаваемым парой прилагательных, они ставили оценку 0.

Предполагалось, что образы как „вещных“, так и „умозрительных“ идиом могут переживаться в различных (зрительной, слуховой, осязательной и проч.) модальностях. В этом случае образы идиом должны были бы получить оценки от 1 до 3. Можно было бы предположить также, что образы „вещных“ идиом переживаются ярче и могут быть оценены как „легкопредставимые“, в то время как образы „умозрительных“ идиом - „невообразимы“.

Процедура обработки данных. Индивидуальные матрицы (протоколы) оценок испытуемых объединялись в суммарную матрицу (15 x 16), которая подвергалась корреляционному (сравнительному) и факторному анализу (процедура факторного анализа позволяет перейти от описания объектов (идиом) с помощью исходного большого набора шкал (прилагательных) к более интегральному их описанию с помощью небольшого числа факторов, которые являются формой обобщения наборов прилагательных).

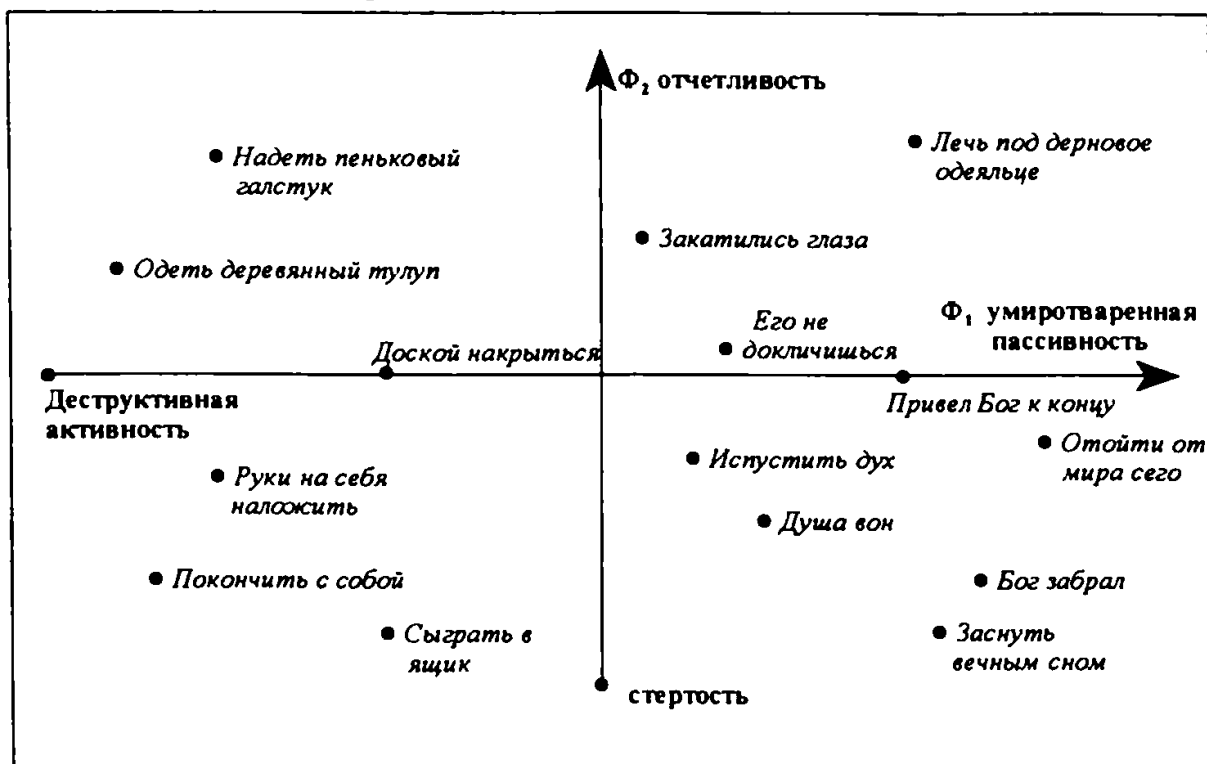
В результате факторного анализа идиомы и прилагательные распределились по 2 факторам, обладающих следующими факторными весами: Ф1(9,764) и Ф2 (2,812). Величина факторного веса указывает на его значимость. Каждый фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания шкал-прилагательных и идиом, вошедших в него.

Левому полюсу фактора Ф1, образованного прилагательными *твердый, тяжелый, холодный, резкий, затхлый, скованный, смердящий* и т.п. соответствовали следующие идиомы: *одеть деревянный тулуп, покончить с собой, руки на себя наложить, одеть пеньковый галстук, доской накрыться, сыграть в ящик*. Правому полюсу фактора Ф1, образованного соответственно прилагательными *мягкий, легкий, теплый, слабый, свежий, расслабленный, благоухающий* и т.д. соответствовали идиомы *отойти от мира сего, бог забрал, заснуть вечным сном, привел бог к концу, лечь под дерновое одеяльце, его теперь не докличишься, душа вон, испустить дух, закатились глаза*.

Данный фактор соответствует классическим осгудовским „оценке” и „активности - пассивности”, причем положительная оценка совпадает с пассивным вектором, а отрицательная с активным, соответственно. Итак, положительную оценку или коннотацию получили идиомы типа *отойти от мира сего, бог забрал* и отрицательную оценку получили идиомы типа *руки на себя наложить, покончить с собой*. С точки зрения культурологической такое распределение идиом понятно, т.к. в нем нашла отражение установка христианской культуры о смиренном принятии судьбы, которая включает также и момент смерти (см. Вежбицкая 1994).

Фактор Ф2 получил название собственно „стертость - отчетливость“, представляющему собой вариант классического фактора „сила“ („интенсивность“).

Полюсу „стертость“, образованному прилагательными *размытый, глухой, стертый, далекий*, соответствовали идиомы *сыграть в ящик, заснуть вечным сном, покончить с собой, бог забрал*, а полюсу „отчетливость“ - прилагательные - *отчетливый, звонкий, ясный, близкий, легкопредставимый* - идиомы *надеть пеньковый галстук, лечь под дерновое одеяльце, закатились глаза*. Небольшой факторный вес Ф2 говорит о том, что смысловое содержание фактора менее значимо для испытуемых, другими словами, испытуемые не назвали идиом, образные основания которых с их точки зрения „непредставимы“ или наоборот „чрезвычайно хорошо представимы“. Т.е. идиомы как с „умозрительными“ (*испустить дух, привел бог к концу, его теперь не докличишься*) так и „конкретными“ (*одеть деревянный тулуп, руки на себя наложить, доской накрыться*), хоть и не в одинаковой степени, но чувственно-конкретно воспринимались и переживались носителями языка.

Выводы. Действительно, идиомы со „стертым“ образом (*сыграть в ящик, заснуть вечным сном*) соответствуют тому, что традиционно называют „умозрительными“ идиомами, т.е. типология идиом, основанная на таких особенностях внутренней формы как „вещность“ и „невещность“ образа, нашла подтверждение и в этом эксперименте. Однако, тот факт, что Фактор 2 „стертость - отчетливость образа“ получил незначительную факторную нагрузку говорит о том, что носители языка практически не различают образы „умозрительных“ и „конкретных“ идиом. Можно сказать, что образные основания тех и других идиом воспринимаются и переживаются, что между восприятием тех и других образов нет жесткой границы - скорее можно говорить о существовании некоего континуума восприятия, где на одном полюсе будут идиомы с „вещными“ образными основаниями, а на другом - с „умозрительными“. При этом следует отметить, что размещение образа той или иной идиомы на этой шкале, очевидно зависит от индивидуальных особенностей испытуемых (напомним, что полученные данные носят усредненный характер).

Возвращаясь к вопросу о типологии идиом, предполагающей различать «вещные» и «умозрительные» образные основания, скажем, что такая типология возможна, однако надо учитывать, что носители языка воспринимают те и другие идиомы приблизительно одинаково.

По-настоящему непредставимыми можно считать идиомы типа *как пить дать, не ровен час*, т.е. идиомы, утратившие свою самостоятельность. Так, по данным ассоциативного эксперимента, полученным в дипломной работе О. Шаповал, в 96% случаях восприятие этих идиом не вызывало образных ассоциаций.

Результаты, полученные в ходе вышеописанного эксперимента позволили нарисовать лишь самую общую картину того, как носители языка воспринимают идиомы. Дело в том, что метод семантического дифференциала (СД) имеет ряд ограничений. Например, испытуемые не свободны в выборе шкалы - своеобразной линейки, с помощью которой „измеряется” тот или иной объект. Этот измерительный „прибор” уже задан исследователем в виде набора прилагательных. Иными словами, метод СД не позволяет выявить подлинные феноменологические свойства образа, возникающего в сознании носителей языка при восприятии ими идиомы, а также ответить на вопрос о том, осознают ли носители языка мотивирующий их значение образ.

1.4. О природе образного и безобразного мышления

Идиомы - образные единицы языка. А известно, что мыслительные процессы (в нашем случае это процесс понимания значения идиомы), основанные на образном или вербальном представлении материала, по-разному функционируют. Например, успех в решении задачи зависит от того, в каких „терминах“ она сформулирована. Так, „числа, записанные римскими цифрами, в высшей степени трудно перемножать друг на друга. Некоторые задачи имеют очевидное решение лишь в образном плане. Бывают и обратные ситуации, когда необходимо перейти от образного способа репрезентации условий задачи к их символическому или вербальному представлению” (Величковский 1982, 239) (см. также Фрумкина 1984, 1992, Пейвио 1970, Дункер 1981).

В качестве примера того, какую роль играет образ в познавательных процессах, приведем экспериментальные

исследования в области памяти, проводимые А.Пейвио. Его работы показали, что образы могут оказывать как позитивную, так и негативную роль на процессы припоминания в зависимости от того, требуется ли от испытуемых вспомнить слова, независимо от их синтаксического порядка, или требуется точный порядок и грамматический строй фразы (см. Paivio 1970, 475-476). Заметим, что А.Пейвио придерживается мнения о принадлежности образов к глубинным семантическим структурам (там же).

Кроме того, вопрос об осознании образа в процессе восприятия идиом, а точнее, об осознании носителями языка, „буквально” выраженного обозначаемым идиомы, в общем виде может быть сформулирован как вопрос об условиях и факторах, влияющих на участие образа в познавательных процессах.

Так, экспериментальные исследования мышления, проведенные еще психологами Вюрцбургской школы (О. Кюльпе, К. Бюлер, О. Зельц, Н. Ах, А. Марбе), а также гештальтпсихологами (М. Вертгеймер, К. Келер, К. Коффка и др.) показали, что мыслительные процессы могут иметь как образный, так и безобразный характер в зависимости от того, какой тип мыслительной задачи решает субъект.

Психологи Вюрцбургской школы, в частности, указывали на нечувственный характер собственно мыслительного процесса и отличие его от чувственных представлений (свою задачу они видели в том, чтобы описать мышление как особую психическую реальность). В качестве экспериментального метода вюрцбургцы использовали интроспекцию, или самонаблюдение.

Следует обратить внимание на то, что задачи, которые предъявлялись в экспериментах Вюрцбургской школы, были в основном вербальными по материалу. „Таковы определение и сравнение слов (понятий), подбор к

одному слову (понятию) другого, связанного с первым родо-видовыми отношениями, понимание смысла предложений и высказываний (например, пословиц и поговорок), сравнение высказываний ... и их обобщение по смыслу и т.п.“ (В. Петухов 1987,28). Кроме того, испытуемым предлагалось ответить, например, на такие вопросы: „На какой реке находится Берлин?“ - ожидаемый ответ - „На Шпрее“, „Сколько будет 6 на 15?“ - ответ „90“ и проч. Отметим, что все экспериментальные задачи были знакомы испытуемым, и в этом смысле их можно назвать шаблонными, репродуктивными по решению.

Вот данные, полученные О. Кюльпе. „Пусть испытуемому дано родовое понятие, например, „охота“, к которому нужно подобрать входящее в него видовое. Сначала слово „охота“ порождает по ассоционным законам множество различных представлений ... поставленная задача детерминирует ассоциативный процесс, и в тот момент, когда подходящее слово (например, „ружье“) найдено, чувственная представленность предметов, явлений, событий уходит из поля сознания. Означает ли это, что испытуемый не представляет ничего, и его сознание „пусто?“ Нет, осознается отношение между двумя - данным и искомым - представлениями с чувством очевидности найденного ответа. То же отвлечение от наглядного облика вещей происходит при понимании смысла пословиц, поговорок, высказываний...

Эти факты позволили сделать вывод о том, что по своему содержанию мышление - это осознание („усмотрение“) отношений, не зависимое от чувственных, наглядных представлений.... К классу мыслей, „сознаний“... были отнесены различные психические переживания (иногда их называли интеллектуальными чувствами): ... чувства уверенности в правильном ответе, ... сомнения и т.д.“ (В. Петухов 1987, 29, см. также О. Кюльпе

1981, 21-27). Таким образом, вюрцбургцы сделали вывод о том, что собственно мышление без'образно, мысль чиста и с образом не связана. Когда субъект переживает смысл, образы ему мешают. Иными словами, смысл независим от чувственной ткани образа. Дело не в том, что мы не можем представить какой-либо смысл. Как раз наоборот, когда мысль ясна и смысл понятен, он может быть представлен в виде образа, но сам момент понимания, осознания - это особый психический феномен, независимый от чувственных представлений. Собственно об этом говорил и Кант, когда называл мышление „не-чувственным способом познания“.

Задачи (проблемные ситуации), с которыми работали испытуемые в экспериментах, проводимых гештальтпсихологами, носили иной, а именно, практический, наглядный характер (например, К. Дункер предлагал испытуемым разрешить проблему того, как найти прием для уничтожения неоперируемой опухоли желудка лучами, которые при достаточной интенсивности разрушают органические ткани, при этом окружающие опухоль здоровые части тела не должны быть разрушены (см. К. Дункер 1981,258). Данные задачи не были напрямую связаны с прошлым опытом испытуемых, и в этом смысле их можно называть творческими.

Итак, гештальтисты экспериментировали с задачами другого типа, нежели представители Вюрцбургской школы, а значит - исследовали другой тип мышления - творческое, а не репродуктивное. Вывод, который можно сделать, состоит в том, что характер мыслительного процесса (образный или без'образный) зависит от характера проблемной ситуации, с которой имеет дело субъект. Тип задачи (творческая + практическая vs. шаблонная + абстрактная) определяет способ ее решения: в решении шаблонной задачи не участвует

воображение, а имеет место процесс категоризации (в кантовском смысле), который не носит чувственного характера. В случае решения творческой задачи мы имеем дело скорее не с мышлением, а с воображением, т.к. „творческие задачи всегда образны и их решение неотделимо от материала” (В.В. Петухов 1991).

Представляется, что процесс восприятия идиом может быть рассмотрен как процесс решения практической задачи, предполагающей осознание образного основания фразеологизмов. Работа с образом как с „подсказкой” зависит, на наш взгляд, от того, является ли эта задача „творческой” для носителя языка, что в первую очередь зависит от того, знает или не знает носитель языка конвенциональное значение идиомы.

1.5. Роль образности в понимании значения идиом

Как уже отмечалось выше, вопрос об осознании образа в процессе восприятия идиомы носителями языка, а также вопрос описания феноменологических свойств этого образа, тесно связаны с проблемой *роли образности в понимании значения* идиом.

Обзор экспериментальных исследований, посвященных этой теме, представлен в статье Д.О. Добровольского (см. Добровольский 1996). По мнению автора они сводимы к двум конкурирующим концепциям: „концептуально-метафорической” и „гипотезе интерференции”.

„Концептуально-метафорической гипотезы” придерживается Р. Гиббс и его коллеги (см. Gibbs 1990, 1993; Gibbs, O'Brien 1990). Суть ее заключается в том, что мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных букваль-

ным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, например, *сознание - это контейнер, ярость - это жара, любовь - это путешествие* и т.п. (Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987, 1993). Такие способы интерпретации носят название „концептуальных моделей“. В пользу данной гипотезы говорят результаты экспериментов, основанных на методе прямого опроса носителей языка. В частности было показано, что идиомы *spill the beans* и *let the cat out of the bag* воспринимаются как синонимичные со значением „to reveal a secret“ - „раскрыть секрет“. (Возможно, что фразеологизмы, принадлежащие одному семантическому полю, воспринимаются носителями языка как синонимичные, например, *сидеть сложа руки, плевать в потолок, считать ворон* и т. п., что, однако, не означает их полной идентичности.)

Заметим, что сходные результаты были получены и в нашем исследовании (см. главу 3). Так, например, в ходе опроса носители языка называли в качестве идентичных такие идиомы как *камень с души свалился, как рукой сняло, от сердца отлегло (отошло)*. Более того, в эксперименте в ответ на просьбу объяснить значение того или иного фразеологизма, испытуемые нередко прибегали к перечислению ряда „синонимичных“ с их точки зрения идиом, например, *вешать лапшу на уши - пудрить мозги, водить за нос; ежиков пасти - тянуть резину, топтаться на одном месте* и т.п. Одним словом, наблюдалась тенденция объяснить значение одного фразеологизма с помощью указания на другой: *не находить себе места - метаться из стороны в сторону; переполнить чашу терпения - зайти слишком далеко, вывести из себя*.

Косвенным подтверждением гипотезы Р. Гиббса и данных, полученных Дж. Лакоффом, служит феномен, выявленный в клинической практике. Так, одна из форм

афазии (структурная патология речи) проявляется в нарушении номинативной функции - в забывании названия предмета. Основным дефектом здесь является невычленение больным отдельных признаков предметов при их восприятии. Однако, по мнению исследователей, у таких больных сохраняется обобщенный, глобальный образ слова, благодаря чему „ненайдённое” имя замещается перебором слов из одной семантической группы (см. Л.С. Цветкова 1995).

Критика концептуально-метафорической теории сводится к тому, что она не учитывает специфику образной составляющей значения идиом, поскольку идентичными для нее оказываются такие идиомы как, например, *spill the beans* („рассыпать бобы”) и *blow the lid off* („сдуть крышку”) на основании того, что обе они сводимы к такой метафоре, как „сознание - это контейнер”, которая собственно и является ключом к пониманию их значения („раскрыть секрет”). Однако, образы, лежащие в основании идиом, активируют разные исходные фреймы („приоткрывание контейнера, предполагающего активную роль наблюдателя” (*blow the lid off*) или же „нечаянное обнаружение содержимого контейнера” (*spill the beans*)), что влечет за собой различия в результирующих фреймах; таким образом, структуры знаний, лежащих в основе семантике этих идиом, на самом деле неидентичны (Добровольский 1996).

Неточные в плане описания семантики отдельных фразеологизмов, идеи, высказанные в концептуально-метафорической теории, плодотворны в методологическом плане. Так, соотнесение образа каждой конкретной идиомы с общей для них „корневой” (в терминах Дж.Лакоффа и М.Джонсона) метафорой, позволяет, по мнению В.Н.Телия, интерпретировать его на языке культуры (Телия 1994, 76), поскольку эта метафора указывает на то категориальное-культурное пространство, в

котором интерпретируются внешне, казалось бы, несводимые образные основания (Телия 1994, 1996). Так, например, для идиом, относящихся к идеографическому полю „Безделье” (*бить баклуши, плевать в потолок, гонять собак, валять дурака, груши околачивать*) базовой метафорой является „бездельничать - заниматься пусто-порожним делом”, что дает основание интерпретировать ее „на фоне” библейской прескрипции о том, что человек должен „добывать свой хлеб в поте лица” (см. Ковшова 1996).

Таким образом, смысл конструирования „базовых” метафор состоит не столько в том, чтобы описать семантику отдельных идиом, а в том, чтобы представить систему устойчивых аналогов, позволяющих осознать ту или иную „абстрактную” сущность, переосмысленную и запечатленную во фразеологическом составе языка.

Так, на основе концептуального анализа понятия „ум” в диссертационной работе М.Л. Ковшовой (Ковшова 1996) была построена „концептосистема”, содержанием которой стали следующие аналогии, которые собственно и можно назвать „концептуальными метафорами” (по Дж. Лакоффу): „ум как живое одухотворенное” (*ум влечет, благородный ум, циничный ум, злобный ум* и т.п.), „ум как живое органическое” (*семя ума, ум иссыхает, крепнуть умом* и т.п.), „ум как неживое - вещь” (*набраться ума, прикупить ума, пропить ум* и т.п.), „ум как неживое - инструмент (*с умом, раскинуть умом, ум за разум заходит* и т.п.), „ум как квазипространство мыслительной деятельности” (*держать в уме, из ума выскочило, из ума не выходит* и т.п.), „ум как квазипространство жизнедеятельности человека в целом, его „квазиаура” - локус” (*в уме быть, не в своем уме* и т.п.), „локация” (*сойти с ума, спятить с ума* и т.п.). По мнению М.Л. Ковшовой, подобные концептсистемы важны для проведения

семантического описания понятий синонимического ряда и их „разведения”. Они служат целям описания культурно-национальной специфики фразеологических единиц.

Отметим, что в концептуально-метафорической модели Дж. Лакоффа базовая метафора, служащая основой для понимания значения идиомы, не является культурно специфичной, а представляет собой когнитивную модель, содержащую в терминах К. Дункера лишь функциональное решение «задачи».

Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи, проводя подобного рода анализ, сводится к тому, чтобы удержаться на „среднем” (по Д.О. Добровольскому) уровне абстракции, т.е. обобщающая метафора не должна быть ни слишком частной (так, например, применительно к идеографическому полю „страх” З. Кевечеш выделяет следующие образы: образ „злобного врага”, „мучителя”, „сверхъестественного существа” и „противника” (см. Kovecses 1990, Добровольский 1996)), ни слишком абстрактной (по Дж. Лакоффу, *страх - это жидкость в контейнере* (см. Lakoff, Kovecses 1987; Lakoff 1987)), ни слишком „произвольной” для данной культуры (в интерпретации В.А. Успенского *страх - это спрут*, который „охватывает”, „душит”, „давит”, „сковывает” и проч. (см. В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян 1993)).

„Гипотеза интерференции“, авторами которой являются К. Каччари, Р.И. Румиати и С. Глаксберг, напротив, предполагает, что „идиомы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых значениях компонентов соответствующих идиоматических выражений... Эти образы не зависят ни от метафорической модели, ни от актуального значения идиом“ (там же, 72). В экспериментальной работе (Cacciari, Glucksberg 1991; Cacciari, Rumiati, Glucksberg 1992) было показано, что „образы, провоцируемые идиомами, в подавляющем

большинстве случаев базируются на прямых значениях компонентов, причем ни степень семантической прозрачности, ни степень употребительности идиомы не оказывает заметного влияния на характер образных представлений“ (там же, 73).

Таким образом, и это отмечает В.Н.Телия (Телия 1994, 1996), можно говорить о двух типах мотивированности фразеологизмов - о мотивированности „**буквальным значением**“ образного основания идиом (гипотеза интерференции) и о мотивированности косвенной, создаваемой ассоциативно-парадигматическими отношениями, на фоне которых просматривается базовая метафора (концептуально-метафорическая модель).

По Д.О. Добровольскому, понимание значения идиом основано не на квазивизуальных представлениях, а на основе знания, выводимого из исходной концептуальной структуры (или „образно-схематической“ структуры по Дж. Лакоффу (Lakoff 1993)). Так, например, идиома *носить воду решето* активизирует в сознании носителей языка знание о том, что решето является непригодным для ношения воды инструментом. Именно это знание „обеспечивает когнитивную базу для естественного вывода ... о том, что *носить воду решето* - заниматься какой-либо деятельностью, используя совершенно не подходящие для достижения этих целей средства, что с необходимостью приводит к неудаче“ (Д.О. Добровольский 1996, 73). Таким образом, по мнению Добровольского, при восприятии идиом ментальные образы возникают на уровне бессознательного учета следов буквального прочтения идиомы (там же, 75).

Кроме того, опросы носителей немецкого языка, проведенные Д.О. Добровольским, показали, что „при восприятии определенных идиом в памяти возникает не лежащий в их основе образ, а ситуация, в которой опрошенные впервые услышали данную идиому. Следовательно,

вызываемые идиомами квазивизуальные ассоциации могут быть вообще не связаны ни с прямыми значениями компонентов, как утверждает „гипотеза интерференции“, ни с метафорическими моделями, как это следует из „концептуально-метафорической модели“ (там же, 73).

Таким образом, результаты приведенных выше экспериментов позволяют говорить о том, что понимание значения идиом осуществляется: 1) посредством „базовой“ метафоры, которая „держит“ на себе все идеографическое поле; 2) благодаря восприятию образа в его прямом значении (с тем уточнением, что характер образных представлений может носить не только визуальный характер); 3) на основе обыденного знания и практического опыта, лежащего в основе метафорического переноса; 4) на основе представления тех житейских ситуаций, в которых данная идиома используется в речи.

Представляется, что рассмотренные концепции и результаты экспериментов не исключают друг друга, а скорее дополняют. Так, например, Д.О. Добровольский, предлагает говорить о разных *уровнях* восприятия идиом. Мы, в свою очередь, полагаем, что рассмотренные выше эксперименты описывают разные механизмы когнитивной обработки образного компонента значения идиом. Актуализация того или иного механизма, вероятно, зависит от свойств этого образного основания (на что указывает и Д.О. Добровольский, говоря о том, что для разных типов идиом целесообразно искать разные способы описания образного компонента значения), так и от индивидуальных особенностей, включая личный и культурный опыт носителей языка.

Так, например, денотативный компонент значения идиомы *белая ворона* может быть выведен на основе знания о том, что все вороны черные и на основе *логической операции (контрапозиции)*, в результате которых делается

вывод, что объекты, не являющиеся черными - не вороны, и белая ворона является исключением. Однако, такой вывод отрицает интерпретацию образа в категориях культуры (*культурная коннотация*), где *белая ворона* - «изгнанник» из общества, иной. Главной концептообразующей (по М.Л. Ковшовой) идеей данной идиомы является идея иного. Таким образом, для понимания значения идиом, в состав которых входят элементы с символьным прочтением (*душа не на месте, душа с телом расстаётся, камень с души свалился, сердце кровью обливается, ножом по сердцу резать, кровь заговорила, голос крови, держать в руках, быть под рукой, своя рука, прибрать к рукам, отбиться от рук* и проч.), нужно не обыденное знание, а владение определенной системой представлений, связанных с наивной картиной мира, присущей данной лингвокультурной общности.

Идиомы же типа *уйти к праотцам, отойти от мира сего, его теперь не докличешься*, видимо, нуждаются для своего осмысления в „базовой” метафоре: *смерть - это переход из одного мира в другой*.

Понимание целого ряда идиом строится не на знании как таковом, а на возможности использовать свой „телесный” опыт. Речь идет о таких идиомах, в основе которых лежит „телесная метафора” или „телесный образ” (заметим, что как правило в состав таких идиом входят квази-символы): *идти с высоко поднятой головой, держать в руках, плясать под дудочку, схватить за горло, руки опустились, идти в гору, подкосились ноги (колени), не находить себе места* и т.п.. В основном это идиомы, принадлежащие идеографическим полям „Поведение” и „Эмоциональные состояния”. Такие образы не столько „видятся”, сколько „ощущаются” и переживаются, поскольку идиома, как и метафора вообще, апеллирует к чувственному опыту и создает такую реальность, которую

можно ощутить и еще раз пережить. Представляется, что механизм восприятия таких идиом - телесное прочтение „буквального значения” фразеологизма.

Данная гипотеза была проверена с помощью психотерапевтической методики, разработанной на материале идиом из названных выше идеографических полей К.А. Торшиной и С.В. Кабаковой (1996 г.). В ходе психологического тренинга участники группы работали с идиомами как со стереотипными метафорами, ориентируясь при этом на свой телесный опыт. Эта работа показала, что телесные переживания являются подсказкой для нахождения идиомы, образ которой отражает то или иное состояние или способ поведения. Кроме того, „проигрывание” модели поведения или состояния, заданного с помощью образа, лежащего в основании идиомы, дает возможность носителям языка осознать его и, ориентируясь на „подсказку” тела, найти более адекватные стратегии собственного поведения (например, не *„витать в облаках“*, а *„спуститься на землю“*; не *„лясать под чью-либо дудочку“*, а *„держаться в руках“*). Интересно, что работа с идиомой как со стереотипной метафорой, фиксирующей поведение или состояние, свойственное многим людям, позволяла носителям языка „снимать” оценочный компонент ее значения: участники группы выбирали в качестве адекватных для себя в том числе и те модели поведения, и, соответственно, те идиомы, коннотативное значение которых имеет помету „неодобр”, например, *скрутить кого-либо в баранный рог*.

И, наконец, отдельную группу составляют идиомы, мотивация которых „затемнена” для современных носителей языка (*ни зги, до морковкиного заговенья, луженая глотка* и т.п.). Вероятнее всего, именно эти идиомы вызывают в сознании ситуации их употребления, поскольку о значении таких идиом носителя языка

вынуждены догадываться по контексту. Так, например, один из наших испытуемых сообщил, что ему никогда не был понятен образ, а следовательно, и точный смысл идиомы *хоть кол на голове теши*, которую он воспринимал как *хоть кол на голове чеши*. Однако, употребление этой идиомы в качестве порицания - „ему хоть *хоть кол на голове теши*” - т.е. сама ситуация употребления данного фразеологизма позволяла испытуемому сделать вывод о том, что идиома означает „что-то плохое”.

Таким образом, мы полагаем, что механизмы когнитивной обработки образного основания идиомы «работают» одновременно, поскольку «отвечают» за различные аспекты значения идиомы. Согласно ранее высказанной гипотезе о макрокомпонентной модели значения идиомы, образное основание выступает не только как основание для концептуализации и категоризации объективной действительности (денотативный компонент значения), но и в роли эмоциогенного стимула, в роли мотивирующего стимула, роли „подсказки” для культурной интерпретации их значения, вызывающей эмотивное отношение носителя языка, и как фактор, предопределяющий стилистическую окраску идиом.

Представляется, что рассмотренная выше концептуально-метафорическая модель описывает процесс категоризации, т.е. выявление денотативного аспекта значения, в то время как гипотеза интерференции - коннотативных аспектов. Иными словами, восприятие идиомы происходит в двух режимах: в режиме буквального прочтения образа, благодаря чему он во многом интерпретируется на языке культуры, и в метафорическом режиме восприятия значения.

Таким образом, в ходе собственного эксперимента мы надеялись обнаружить следы всех выше перечисленных

механизмов когнитивной обработки образного основания фразеологизмов. Более подробно остановимся на механизмах культурной коннотации идиом.

1.6. Культурная коннотация идиом

Как мы уже отмечали, проблематика, связанная с исследованием роли образности в процессе понимания значения идиом, включает вопросы о том, каким образом культура воплощена в содержание фразеологизмов и какова роль образа в процессе „извлечения” культурно макрированной информации из плана содержания идиом. В таком виде эта проблема была поставлена В.Н. Телия (Телия 1991), а попытки ее решения содержатся в работах В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, Н. Брагиной, Е. Опаринной, И. Сандомирской.

Образное основание идиом является средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов, поскольку „система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка,.. связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях” (Телия 1996, 215). Иными словами, „в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет” (там же, 233). Способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном „пространстве” данного языкового общества, т.е. соотнесение образа, выраженного в букваль-

ном прочтении фразеологизма, с эталонами, стереотипами, мифологемами и установками культуры, что и составляет содержание культурной коннотации (Телия 1994, 1996).

Однако, как уже отмечалось выше, в целом ряде случаев вплетение культурно значимой информации в план содержания фразеологизмов может быть выявлено только на достаточно представительных массивах идеографических полей, таких, как „свойства лица”, „поведение”, „чувства”, „интеллектуальные способности” и т.п. „Именно на фоне таких группировок, - пишет В.Н. Телия, - может быть обнаружена базовая метафора (подчеркнуто нами - С.К.), служащая посредником между языковой и культурной компетенцией носителей языка.

Представляется, что для ряда идиом, носящих так называемый архетипический характер (см. ниже), механизм культурной интерпретации образного основания идиом может быть уточнен. Мы полагаем, что он состоит в соотнесении образа в его прямом значении с архетипическими образами, т.е. с образами, безусловно значимыми для данной культуры, благодаря которым передается культурный опыт и «базовое» представление о мире, присущее данной лингвокультурной общности.

Как известно, понятие архетипа пришло из психоаналитической практики и принадлежит К. Юнгу. Однако на сам факт существования архетипических сюжетов, например, образов, наблюдаемых во снах и невыводимых из личного опыта сновидца, обратил внимание уже З. Фрейд. Эти элементы Фрейд назвал „архаическими остатками“ – ментальными формами, присутствие которых не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных, врожденных и унаследованных источников человеческого разума (см. Юнг 1991,64).

Под архетипами К. Юнг понимал устойчивые мотивы, которые сопровождают человека в ходе всей его истории. „Изначальный образ (исконный), названный мной также архетипом, всегда коллективен, т.е. он одинаково присущ по крайней мере целым народам или эпохам. Вероятно, главнейшие мифологические мотивы общи всем расам и всем временам“ (Юнг 1995, 541). Например, идея героя-спасителя. «Никто не знает, когда и где возник этот мотив. Мы не знаем даже, как начать исследовать эту проблему ... Очевидно лишь, что каждое поколение знает этот мотив, как некую тенденцию, переданную от предшествовавших поколений и времен... Фигура героя есть архетип, который существует с незапамятных времен“ (Юнг 1991,68). Таким образом, архетипы, как идеи (Юнг сравнивал понятие архетипа с платоновскими „идеями“), универсальны, но формы их представления меняются в ходе истории, т.е. являются культурно специфичными. В то же время, архетипы - «одновременно образы и эмоции» (там же, 88), т.е. это заряженные эмоцией образы, приобретающие сакральный характер. Архетипические образы К.Юнг называет «естественными» символами, поскольку они происходят из бессознательных содержаний психического. Символы, прошедшие процесс развития, становятся «культурными», т.е. коллективными образами, принимаемыми в обществе и используемыми в религии для выражения «вечных истин». По мнению К.Юнга, культурные символы сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминозности или сакральности и могут вызывать у некоторых людей глубокий эмоциональный резонанс (там же, 84). Образы типа круга, креста, моря, воды, неба, земли и т.д. являются примерами архетипических образов. Они насыщены культурным знанием, в связи с чем приобретают символический характер.

За каждым архетипом скрывается представление о мире, существующее в данной лингвокультурной общности, например, смысловая символика сторон света „востока“ и „запада“, а так же других оппозиций, попадающих в этот ряд (верх - низ, правый - левый, мужской - женский, свой - чужой и т.п.) определяется тем, что с востоком связаны представления об изначальности, жизненности, свете, справедливости, а с западом – смертности, завершенности, нечистоты, несправедливости (см. В.Н. Топоров, В.В. Иванов 1965; С.М. Толстая 1995, 120-121) (ср. в этой связи архетипические основания метафор *высокие - низкие мысли, чувства; быть на седьмом небе от счастья - упасть духом, быть на высоте положения - низко пасть*).

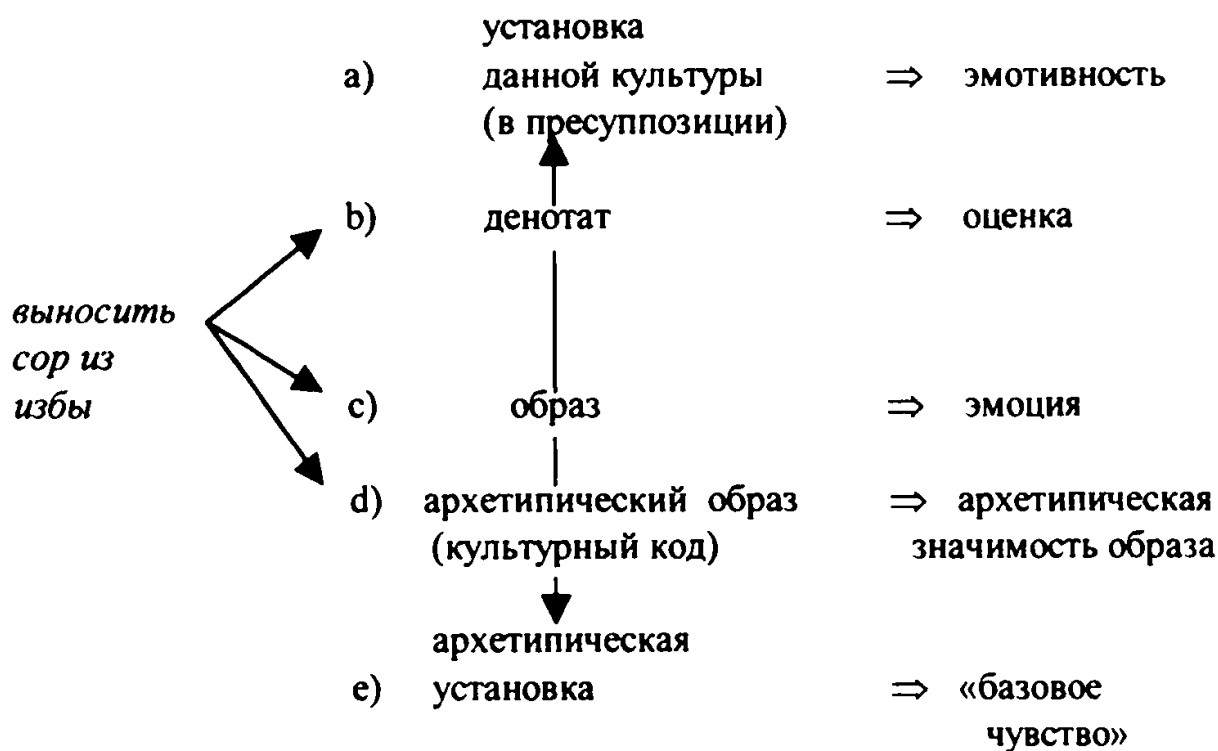
Думается, что к числу идиом, сохранивших архетипические основания, можно отнести такие, например, как *мутить воду, идти в гору* (ср. с архетипическими противопоставлениями *чистый - грязный* и *верх - низ*), а также уже приводимые выше идиомы, образы которых связаны с пространственной ориентацией, маркирующей „свое“ и „чужое“ пространства: *у черта на куличках (на рогах), на болоте* и т.п. Архетипическими по своей сути можно считать и образы, связанные с мифологическими сюжетами (например, поверья о том, что „нечисть“ живет в болотах), а также восходящие к религиозным сюжетам (*нести свой крест, испить чашу до дна*). Связь этих образов с архетипами сознания мы усматриваем в том, что они включают в себя символы (типа «крест», «чаша»), образующих «симболярий» культуры (по Топорову 1995) и мотивационно-образное основание которых награждает «вещи» свойствами архетипов, т.е. первообразов, лежащих в основе моделей мира, отражаемых в дискурсах разных типов (мифологического, христианского, литературного и даже политического) и принимаемых «на веру».

К числу идиом, в образах которых сохраняется архетипический характер, можно отнести и идиомы, берущие свое происхождение в обрядовой практике, также имеющие в своем составе „квазисимволы“ (например, *не выносить сор из избы*, *как рукой сняло*, *выводить на чистую воду*, *кровь заговорила*, *руки не доходят*, *сердце надрывается*), идиомы, включающие соматизмы (*голубая кровь*, *вострить зубы*), идиомы, характеризующие личностные и поведенческие качества человека на основе зооморфизма (например, *белая ворона*, *волк в овечьей шкуре*, *подрезать крылья*).

Мы полагаем, что благодаря „архетипическому ключу“, уже заключенному в образном основании идиом, эти образы способны соотноситься с глубинными структурами психики, с тем, что К. Юнг называл Коллективным Бессознательным.

Обратим внимание и на то, что образы, лежащие в основании приведенных выше идиом, обеспечивают построение общего, идентичного для носителей языка культурного пространства, которое является условием адекватного общения представителей данной лингвокультурной общности, на что сами носители языка и указывают: „Идиомы создают поле близости, втягивают в поле „мы“, позволяют говорить от „нас“, и тем самым как бы ритуализируют общение“, - что явствует из ответов реципиентов.

В самом общем виде схему, отражающую структуру знания, которая в свернутом виде содержится в идиомах, чьи образные основания обладают архетипическим характером, а также механизм культурной интерпретации такого рода идиом можно представить в следующем виде:

Поясним предложенную схему на примере идиомы *выносить сор из избы*. Левая сторона схемы отражает способ существования знания: **установка данной культуры** - 'нельзя делать достоянием „чужих“ сведения, которые предназначены для «своих»'; **денотат** - 'разглашать сведения о каких-либо неприятностях, касающихся узкого круга людей'; **образ** - индивидуальное представление, возникающее в сознании носителей языка при восприятии ими идиомы *выносить сор из избы*; **архетипические составляющие образа** (*дом (изба), сор*), которые прочитываются в коде культуры - архетипическая оппозиция (*свой/чужой*), **архетипическая установка** - не переходить границу своего пространства, не отдавая своего чужому. Правая сторона схемы отражает «реакцию» на каждый тип знания (⇒ - означает следствие): **эмотивность** - интерпретативный уровень, предполагающий культурно-языковую компетенцию носителей языка - то чувство-отношение, которое „испытывают“ в

данной культуре по отношению к обозначаемому - к ситуации, поведению, состоянию, качеству и т.п. (*неодобрение*); оценка - рациональный уровень анализа (*и это плохо*), эмоция - аффективный уровень анализа (индивидуальная); архетипическая значимость образа - уровень бессознательной интерпретации - *дом (свое пространство), сор (что-то нечистое)*); «базовое чувство» - глубинно-рефлексивный уровень бессознательного переживания- *опасно/неопасно*.

Восприятие идиомы происходит на нескольких уровнях: рациональном (b), когда образное основание идиомы ассоциируется с денотатом; индивидуально-психологическом (c), когда это основание вызывает в сознании некоторый образ (основанный или на буквальном прочтении образа, или связанный с ситуацией употребления и т.п.); на глубинном уровне интерпретации (d), когда образное основание идиомы или его элементы ассоциируются с архетипическими образами.

Механизм возникновения эмотивности состоит в соотнесении денотативного аспекта значения с установкой данной культуры, в то время как «базовое чувство» (в данном случае «опасность») - результат актуализации архетипической установки, благодаря наличию в образном основании идиомы архетипических по своей сути образов, в данном случае - *дом, сор*.

Носители языка владеют культурным кодом, благодаря которому они интерпретируют значение идиом не только осознанно, но и на уровне бессознательного, следы которого выявляются в ходе эксперимента (см. ниже).

Кратко сформулируем основные положения 1 главы.

1. Образ - категория сознания, обладающий такими свойствами как **целостность и синтетичность**, проявляющиеся в том, что образ объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, и формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями. Ментальный образ переживается в самых разных модальностях; зрительных, слуховых, осязательных и т.д., т.е. являются полимодальными. Образ включает в себя идеальные (содержательные) черты, что позволяет искать в нем истоки и предпосылки развития семиотических концептов, т.к. образ способен обобщать накопленный опыт. Образ не совпадает с оригиналом, поскольку он извлекается из контекста сознания, а не действительной жизни (Арутюнова 1996). Формирование образа спонтанно и произвольно. Образ связан с эмоциональной сферой человека, а потому - насыщен личностным смыслом, проявляющимся в том, что образ объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, и формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями.

2. На основании данных психологических, психо-семантических и психолингвистических исследований делается вывод о том, что такие качества образа, как „конкретность” и „абстрактность”, не исключают друг друга, поскольку мыслительный образ, как правило, редуцирован, фрагментарен („абстрактен”), но в то же время он остается чувственно конкретным.

3. Процесс восприятия идиом подобен процессу решения практической задачи, предполагающей осознание образа, и использование его в качестве „подсказки” в том

случае, если носитель языка не знает конвенциональное значение идиомы.

4. Данные экспериментальных исследований, касающихся особенностей восприятия идиом носителями языка, подтверждают существование различных механизмов когнитивной обработки образного основания фразеологизмов: осознание „базовой” метафоры, порождающей образ данной идиомы; восприятие образа в его прямом значении с использованием обыденного знания и практического опыта; представление житейских ситуаций, в которых идиома используется в речи. Результаты этих исследований дают возможность предполагать, что актуализация того или иного механизма зависит от особенностей мотивации образного компонента идиом - с одной стороны, и, с другой - от индивидуальных особенностей носителей языка, в том числе от их личного жизненного и культурного опыта.

5. Выдвигается гипотеза, согласно которой образные основания ряда идиом носят архетипический характер. Предполагается, что механизм культурной интерпретации такого рода идиом состоит в соотнесении их образного основания (или элемента образного основания) с архетипическими образами. Интерпретация образного основания таких идиом на языке культуры происходит без посредства „базовой” метафоры, которая может быть характерной для данного идеографического поля идиом.

СОСТАВЛЯЮТ ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

ПОСЛЕДСТВИЕ НАШИХ ВОЗРАЖАНИЙ ИЛИ ЗАПРОСОВ

Глава 2

Рефлексы пра-логических форм мышления в семантике идиом

Как известно, наше сознание неоднородно. Наряду со структурами логическими в него входят так называемые пра-логические или архаические структуры. Мы полагаем, что в состав языка входят единицы, связанные с архаическими структурами сознания - коллективными представлениями (по Л. Леви-Брюлю), погруженными сферу Коллективного Бессознательного, благодаря которому во многом и передается культурный опыт.

Типичность образов, лежащих в основании значения фразеологизмов, а также включенность в их состав символов, эталонов и установок культуры, отражающих миропонимание, присущее данной лингвокультурной общности, позволяет говорить о том, что идиомы - плод коллективных представлений. Более того, тот факт, что идиомы нельзя осмыслить, исходя только из индивидуального опыта, образность этих единиц языка, их способность побуждать испытывать те или иные чувства, эмоции и отношения, общность которых и позволяет устанавливать культурную идентичность носителей языка, - все это дает возможность предполагать, что идиомы и есть коллективные представления.

Коллективные представления принадлежат к архаическому способу мышления, поэтому мы полагаем, что и фразеологизмы должны порождаться и восприниматься архаическими (мифологическими или пра-логическими) структурами сознания, которые, как уже отмечалось, сосуществуют наряду со структурами логическими. Для подобного типа сознания характерен синкретизм (от

греч. *synkretismos* - соединение, объединение) психических процессов, конкретность и образность мыслительных процессов, своеобразная логика, не предполагающая существование причинно-следственных отношений, а основанная на законе „сопричастия”, подразумевающим отождествление объекта и субъекта, а главное - для которого не характерна метафора (см. Леви-Брюль 1994, Лотман 1992, Кассирер 1992). Последнее, как представляется, позволяет объяснить, почему при восприятии идиом носители языка воспринимают образ в его „буквальном” значении. Взгляд на идиомы, как на единицы языка, в которых нашли отражения коллективные представления, дает возможность уточнить и некоторые функции фразеологизмов, а также прояснить механизмы понимания их значения носителями языка.

2.1. Особенности пра-логического мышления

Сам термин «коллективные представления» (далее КП) принадлежит Э.Дюркгейму, представителю французской социологической школы, но наиболее подробно КП были исследованы и описаны в работах Л. Леви-Брюля. Л. Леви-Брюль писал, что под этой формой деятельности сознания следует понимать не интеллектуальный или познавательный феномен в его чистом или почти чистом виде, но гораздо более сложное явление, в котором то, что считается у нас собственно „представлением“, смешано еще с другими элементами эмоционального или волевого порядка, окрашено и пропитано ими, предполагая, таким образом, иную установку сознания в отношении представляемых объектов. Характеризуя способ мышления „первобытных” народов, Л.Леви-Брюль указывал на то, что „деятельность

их сознания слишком мало дифференцирована для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов, независимо от чувств, эмоций, страстей, которые вызывают эти идеи и образы или вызываются ими...

Трудно преувеличить эмоциональную силу представлений. Объект их не просто воспринимается сознанием в форме идеи или образа. Сообразно обстоятельствам теснейшим образом примешиваются страх, надежда, религиозный ужас, пламенное желание и острая потребность слиться воедино с „общим началом“, страстный призыв к охраняющей силе; все это составляет душу представлений, делая их одновременно дорогими, страшными и в точном смысле священными для тех, кто получает посвящение“ (Л. Леви-Брюль 1994,28). Леви-Брюль отмечает, что такой же характер, хотя и в меньшей степени, имеют и другие КП, например, передающиеся из поколения в поколения мифами и сказками, или те, которыми регулируются обычаи и нравы. „Если эти обычаи обязательны и почитаемы, следовательно, коллективные представления, которые с ними связаны, носят императивный, повелительный характер и оказываются не чисто интеллектуальными фактами, а чем-то совершенно иным“ (культурными установками - С.К.) (там же, 29). Коллективные представления - это такие психические состояния, которые отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются, это комплекс, где интеллектуальные, эмоциональные и моторные компоненты слиты. Коллективными они являются потому, что они „не зависят в своем бытии от отдельной личности... их невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового... коллективные представления

передаются из поколения в поколение“ (Леви-Брюль 1930,29).

Понятие „коллективные представления“ (далее - КП) использует и одновременно разъясняет К.Г. Юнг, когда говорит о Коллективном Бессознательном. „Коллективными я называю, - пишет Юнг, - все те психические содержания, которые свойственны не одному, а одновременно многим индивидам,.. обществу, народу или человечеству“ (Юнг 1995). Юнг пишет о том, что такими содержаниями являются описанные Леви-Брюлем „коллективные мистические представления“ первобытных людей, а так же распространенные среди культурных людей понятия о праве, религии, науке и т.д. Вслед за Леви-Брюлем он отмечает, что коллективными можно называть не только понятия и воззрения, но и чувства (у „первобытных“ народов их коллективные представления суть одновременно и коллективные чувства). „Именно ввиду такой коллективности К.Юнг характеризует „коллективные представления“ как „misticus“, потому что эти представления не только интеллектуальны, но и эмоциональны“ (Юнг 1995, 529-530).

2.2. Идиомы как отражение „коллективных представлений“

Согласно Л.Леви-Брюлю, язык, так же, как и миф, и ритуал, является КП. Очевидно следует смягчить категоричность этого утверждения применительно к языку в целом и сказать, что в языке, так же, как и в сознании, есть структуры, сопоставимые с КП. К ним, в частности, можно отнести идиомы. Как уже отмечалось, значение идиом не всегда можно осмыслить, исходя только из инди-

видуального опыта. Данные экспериментального исследования (см. ниже), показывают, что конвенциональное значение идиом не всегда выводится из буквального прочтении образа. Идиомы являются продуктом не рассуждения, а „веры”, т.к. их оценочное содержание не столько анализируется, сколько принимается как бы в готовом виде, что способствует устойчивости идиом в языке. Так, например, употребление идиомы в речи часто сопровождается словами: тот-то и тот-то обычно говорит: „*Разговор в пользу бедных*“ или как сказала бы бабушка (или тот-то и тот-то), *захотелось козе уксуса, она и попробовала*; „Книг в этом магазине вы не увидите. Печатными изданиями тут, как говорится, и не пахнет“.

Образное содержание целого ряда идиом (*выносить сор из избы, как рукой сняло, отправиться к праотцам* и т.п.) является именно КП. Например, идиома *перемывать косточки*, как показывает этимологический анализ, восходит к одному из этапов погребального обряда, и хотя в настоящее время этот образ не ассоциируется с данным КП, а воспринимается на фоне указанного в буквальном значении действия, след от КП все же остался: как правило не говорят „я (ты) *перемывал ему косточки*“, обычно эта идиома используется с местоимением они (реже мы), (ср. Володька постоял немного, прислушиваясь к удаляющемуся смеху девчонок - то-то *перемывают сейчас ему косточки*. (Ф. Абрамов)), что указывает на коллективность действия, каким оно и было изначально. А в толковании значения идиомы *как рукой сняло* носители языка, как правило, указывают на то, что „легко стало после какого-либо действия или разговора“, подтверждая тем самым связь этой идиомы с практикой заговора (т.е. ритуала).

В идиоме, так же как и в КП, оказываются слиты интеллектуальный (денотативный) и эмоциональный

(коннотативный) компоненты. Идиомы заставляют оценивать обозначаемые явления и события жизни и побуждают испытывать эмоции и переживать чувства, вызывая тем самым эмотивное к ним отношение, поэтому в акте коммуникации к идиоме нередко прибегают как к яркой эмоционально-оценочной характеристике, которая должна выразить отношение говорящего и побудить к реакции слушающего, и все это благодаря авторитету КП.

Кроме того, большинство идиом содержит в своем составе моторный компонент, т.е. свернутое действие (ср. *биться как рыба об лед, брать голыми руками, плясать под дудочку, бить прямо в точку* и т.д.), которое можно рассматривать как подсказку в осмыслении значения фразеологизмов. Так, при объяснении значения идиомы носители языка часто отталкиваются от логики, продиктованной действием, лежащим в основе внутренней формы. Например, в ответе испытуемого (см. данные эксперимента) идиома *как рукой сняло* получила следующее объяснение: „Когда человек, допустим, снимает с вешалки пальто, он совершает быстрое действие. Поэтому, когда человек болен и вдруг стал быстро выздоравливать, говорят: „Как рукой сняло“.

Даже в таких идиомах, внутренняя форма которых не является моделью действия, они имплицативно с ними связаны в глубинной семантике. Так, *белая ворона* - 'тот, кто выделяется', *крепкий орешек* - 'тот, которого трудно подчинить' и т.п. Это глубинно-семантическое содержание идиом обуславливает принадлежность большинства из них к семантическим предикатам.

Действительно, единство слова и дела - характерная черта архаического способа мышления. Так, по наблюдениям Л. Леви-Брюля, для того, чтобы воспроизвести мышление первобытных, нужно вновь найти те движения рук, в которых язык и мысль были еще

нераздельными. Отсюда, как он пишет, и берется выражение „ручные понятия“. „Первобытный человек, который не говорил без помощи рук, не мыслил также без них... Даже у народов банту, которые принадлежат к довольно высокому типу общества, словесный язык, весьма картинный сам по себе, постоянно сопровождается движениями руки...“ (Леви-Брюль 1994,129).

Интересно, что и в детской речи действие также играет немалую роль. В частности, Ю.М. Лотман указывает на то, что, дойдя до места, где взрослый употребил бы глагол, ребенок может перейти на паралингвистическое *изображение* действия, сопровождаемое междометным словотворчеством. В таком способе передачи глагольных значений проявляется, по его мнению, мифологизм мышления, поскольку действие не абстрагируется от предмета, а интегрировано с носителем и может выступать как состояние собственного имени“ (Лотман 64-65, см. также Выготский).

То же относится и к идиомам, употребление которых в речи сопровождается жестами. Кроме того, при объяснении их значения, носители языка, как правило, используют жест в качестве невербальной формы понятия, т.е. жест замещает собой фрагмент рассказа, а также передает то или иное эмоциональное к нему отношение. Так, в эксперименте носители языка не раз отмечали, что они „жестом искали слова“ для объяснения значения фразеологизмов, и если бы у них не было возможности „думать“ руками („если бы связали руки“), они бы не ответили.

Известно, что жест не просто сопровождает речь или замещает ее фрагменты, но, являясь средством коммуникации, служат маркером экспрессивности речи. Однако, в тех случаях, когда жест конвенционален и обязателен, мы опять же имеем дело с архаическим сознанием. Так,

например, С.Е. Никитина, описывая культуру молокан, отмечает, что без соответствующих жестов песня не вызывает соответствующей эмоции, т.е. та цель, ради которой исполняется песня, не достигается (слово не обладает силой), если оно не подкреплено, не усилено нужным движением (Никитина 1993).

Повторим еще раз, что единство слова и дела - характерная черта архаического (мифологического) способа мышления. Так, в мифе слово имеет особый статус - оно действительно и неотделимо от действия. „В первоначальном виде миф не рассказывался, а разыгрывался в форме сложного ритуального действия, в котором словесное повествование являлось лишь частным компонентом“ (Ю.М.Лотман 1981,39). Ритуал - „деяние, действие, дело по преимуществу, то дело, которое противостоит и слову и мысли, одновременно образуя с ними триаду *мысль - слово - дело*...“ (В.Н.Топоров 1995, 11).

Еще раз отметим, что „коллективные представления“ определяются как неразрывное единство интеллектуальных, эмоциональных и моторных комплексов. Эти же три компонента - денотативный, эмоциональный и моторный - находим и в структуре значения идиомы. Думается, что эта синкретичность и обуславливает знаковую специфику идиом, проявляющуюся в способности идиом оперировать и „реальной“ референцией и референцией к тому, что подсказано образом, при нераздельности интеллектуального, эмоционального и поведенческого аспектов этих референций.

Как уже было показано, подобный синкретизм характерен не только для мышления „первобытных народов“ (см. Леви-Брюль), он присущ также людям традиционной культуры (см. Никитина 1993). Кроме того, там, где речь идет о конкретной практике, мы имеем дело с такими структурами сознания, которые являются единством

познавательной, мыслительной и эмоциональной сфер. В онтогенезе синкретичное единство психических процессов можно наблюдать при обращении к миру ребенка (см. Л.С.Выготский, допонятийные формы мышления). Примерами „синкретов” являются, в частности, первые слова, которые представляют собой комплекс, где собственно мыслительные процессы неотделимы от эмоциональных впечатлений. С помощью слова ребенок обозначают целые ситуации, слово представляет собой предложение (текст) (ср. с представлением об идиоме, как о микротексте).

2.3. О сходстве идиомы и ритуального текста

По своему содержанию идиома, на наш взгляд, очень похожа на фольклорный, в частности, ритуальный текст, особенности которого, а также его отличия от других типов фольклорных текстов проанализированы в работе С.М.Толстой (Толстая 1992).

Во-первых, С.М.Толстая обращает внимание на то, что ни обряд, ни фольклорный текст не являются в прямом смысле слова продуктом акта коммуникации (исполнителя), они не создаются исполнителем, а лишь воспроизводятся в готовом виде, и „актуализируются“ в момент исполнения. И обрядовый, и фольклорный текст существуют до самого обряда, предшествуют ему, а их создатель (если он есть) устранен из коммуникативного акта обряда, выведен за его пределы. Поэтому ни обряд, ни фольклорный текст не могут служить простым сообщением, они не содержат в себе ничего нового для адресатов ни в своей „локуции“, в своем пропозициональном содержании, ни в своей „иллокуции“, ибо их целевая направленность также заранее

известна и неизменна. В этом смысле они всегда вторичны. Такие тексты как бы отвлечены от реальной ситуации исполнения обряда и отсылают к некоторой архетипической ситуации, воспроизводимой в обряде.

В отличие, например, от авторской метафоры, идиомы также не являются продуктом, создаваемым в акте коммуникации. Они воспроизводятся в речи в готовом виде. В них уже заложена иллокутивная сила и перлокутивный эффект. Говорящему vs. слушающему остается идентифицировать свои интенции с тем, что конвенционально закреплено за идиомами при нормативном их использовании vs. восприятию. С этим свойством идиом связана их способность служить культурно-языковыми стереотипами. Идиомы, будучи микротекстами, не сообщают новое, но отсылают к уже известному.

Обрядовые тексты, по С.М.Толстой, „прагматически маркированы“, т.е. представляют собой просьбы, мольбы, угрозы, пожелания, предписания, обещания, приглашения, угрозы, проклятия, вопросы, поздравления. Как и риторические тексты, идиомы, как общее правило, „прагматически маркированы“. Эта их маркированность выражена через все макрокомпоненты, связанные с модусами субъекта - оценка, эмоция, эмотивность, функционально-стилистическая нагрузка: говорящий/слушающий „подтверждают“ своим выбором согласие с этими конвенционально закрепленными за идиомами модусами.

Следующей, наиболее яркой, по мнению С.М.Толстой, особенностью прагматики обрядового фольклорного текста является его перлокутивность: косвенность, несовпадение буквального, прямого значения сказанного с тем, что „имеется в виду“, т.е. с иллокутивной целью. При этом вторичные, косвенные значения и цели высказывания конвенционально закреплены, предписаны и предопределены структурой и назначением обряда и текста.

„Соотношение прямого и косвенного смысла носит в этом случае вполне устойчивый, стереотипный характер - никакой свободной „игры“ между ними. Оно как бы введено в прагматическую рамку текста и воспроизводится автоматически вместе с ними“ (там же, 36-37). Идиомы - знаки вторичной номинации: они тоже „говорят“ не то, что соответствует их буквальному прочтению, но то, что косвенно - через включенность их в текст, выводится из этого образа. Однако, в отличие от ритуального текста, идиомы как микротексты нацелены на выводное знание.

С.М. Толстая указывает, что сами исполнители обряда (носители традиции) не нуждаются обычно в том, чтобы формулировать цели своих действий. Необходимость в таких формулировках и объяснениях возникает лишь в двух случаях: во-первых, при соприкосновении с другой культурой ..., во-вторых, при передаче собственной традиции новым поколениям, т.е. при обучении. „Ситуация обучения возникает постоянно в жизни каждого члена социума, при каждом переходе его в новый возрастной или социальный статус каждый раз, когда ему приходится осваивать новую социальную или обрядовую роль,... например, в родильном обряде обучают и роженицу, и ее мужа, и бабу-повитуху и т.п.

И все же, если спросить у носителей традиции, зачем совершается тот или иной обряд, то чаще всего следует ответ типа: „... так принято, так положено, так всегда делали, так делали старые люди и нам велели“. Казалось бы, такой ответ лишен содержания.., но тем не менее это самый точный ответ на вопрос, ибо наиболее существенная цель любого обряда - не нарушать традицию, соблюсти предписанные ею правила поведения, а это в свою очередь должно обеспечить сохранение и поддержание существующего порядка,.. равновесия мира – восстановление равновесия, если оно было нарушено.

Важнейшим условием незыблемости мира является соблюдение границы между этим и потусторонним миром, границы, которая естественным образом нарушается, например, в случае рождения ребенка или в случае смерти, и тогда именно обряды должны ее восстановить“ (там же, 37-39).

Заметим, что и идиомы, в своем большинстве, являются своего рода эталонами и стереотипами, предписывающими нормы бытия, особенно - установки относительно поведения, деятельности, проявления чувств.

Таким образом, идиомы и ритуальные тексты разделяют следующие черты: они не являются продуктами акта коммуникации в подлинном смысле, поскольку хранятся и воспроизводятся в готовом виде; они могут совмещать в себе несколько иллокутивных актов; и обрядовые тексты, и идиомы призваны сохранять и поддерживать некоторый „порядок“: первые - космический, вторые - порядок человеческих взаимоотношений, внося в общение элемент ритуализации. Таким образом, представляется, что идиома является „обмирщенной“ формой подобных текстов, пригодных для обыденного употребления.

Однако, идиомы не сакрализированы. Кроме того, это многокомпонентные знаки языковой системы, включенные в семантические сети, что создает условие для их варьирования (и не характерно для жестко воспроизводимых ритуальных текстов). Для идиом важно сохранить образ и его смысл, а не „букву“, что также создает их варибельность. Заметим также, что идиомы „выучиваются с голоса“, в результате чего возможны ошибки типа *за рыбу* (а не *за репу*) *деньги, попался как кур во щи* (а не *в ощип*) и т.д.

Кроме того, „особенностью обрядового „языка“... является одновременная разнозначность, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повто-

рению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами... своеобразное нанизывание отдельных форм... обрядовый символ может выражаться в трех основных обликах: реальном (предметном), акциональном (действенном) и вербальном (речевом)" (Н.И. Толстой 1982, 57-58). В.С. Семенцев так же отмечает, что, например, в текстах ведийского ритуала три описанных выше компонента правильного ритуального действия в большинстве случаев либо имеют одинаковую структуру, либо тем или иным способом повторяют, дублируют друг друга. Например, если в ритуальном возгласе попадают слова „сок“, „сила“, то оказывается, что одновременно с их произнесением следует срезать с определенного дерева непременно *сочную (=сильную)* ветку и при этом воспроизвести в уме мифологему, говорящую о *силе* богов (см. Семенцев 1987, 15). Смысл подобной разнозначности состоит в том, чтобы „уплотнить“ смысловое содержание высказывания или текста за счет большого количества ассоциативных связей как внутри „предметного“ мира, так и между миром „предметным“ и ментальным.

Следы такой разнозначности можно наблюдать в идиомах. Так, например, Н.И. Толстой (см. Толстой 1995) указывает на то, что фразеологизм *здоров как верба* (Гомельская обл.) содержит в себе в скрытом виде формулу *будь здоров как вода*, который в свою очередь эквивалентен формуле *здоров как рыба*. Исследователь пишет, что такое понимание возможно только с учетом обрядового контекста, т.е. обрядового действия. На уровне обрядового действия удар прутиком освященной вербы синонимичен формуле *будь здоров как вода* или *будь здоров как рыба*. Первичной в данном случае является сакральная семантическая связь *здоровья* и *воды*. Рыба же выступает как часть воды по метонимическому соотношению (там

же, 410). Именно смысловая «плотность» идиом и позволяет говорить о них, как о *микротекстах* (см. Телия 1996, Ковшова 1996).

2.4. Особенности языка первобытных народов. Идиомы как отображение „визуальных понятий”.

Л.Леви-Брюль писал, что язык, а, следовательно, и мышление первобытных народов конкретно, оно скорее образно, чем понятийно. „Их понятия не такие, как наши. Они располагают тем, что я буду называть понятиями - образами, которые по необходимости являются частными, конкретными... Чем ближе мышление социальной группы к пра-логической форме, тем сильнее в нем господствуют образы-понятия. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие в языке таких общественных групп родовых выражений, соответствующих общим в собственном смысле этого слова идеям. Мы... стремимся выразаться точно, индеец стремится говорить картинно; мы классифицируем, он индивидуализирует“ (Леви-Брюль 1994, 133-135). (На монолингвистический характер мифологического сознания, т.е. отсутствие в нем абстрактного метаязыка (а значит и метафоры) указывал и Ю.М. Лотман (см. Лотман 1992).

В работе „Первобытное мышление” Л.Леви-Брюль характеризует языки первобытных обществ, как выражающие представления о предметах и действиях в том же виде, в каком предметы и действия мыслятся глазами и ушами. Эти языки стремятся исчерпать пластические и графические детали того, что они хотят выразить. „Можно сказать, - говорит Леви-Брюль, - что они (первобытные люди) мыслят, описывая предмет, откуда и

проистекает то значение, которое придается в языке первобытных людей очертанию, форме, позе, положению, способу движения, вообще, видимым особенностям существ и предметов; отсюда - та классификация предметов сообразно их положению (стоячему, сидячему, лежащему) и т.д." (Леви-Брюль 1994,125-129). „Таким образом, - заключает Л. Леви-Брюль, - в языках первобытных народов нет, или практически нет, абстрактных понятий. Например, в языке эве существует 33 наречия для описания походки. Эти наречия являются как раз звуковыми картинками, вокальными имитациями чувственных впечатлений... Так, например, глагол *зо* 'ходить' может сопровождаться следующими наречиями:

зо бехе бехе - ходить, волоча ноги, как делают слабые люди (ср. *волочить ноги, нога за ногу заплетается*);

зо була була - опрометчиво двигаться вперед, ничего не видя перед собой (ср. *лететь сломя голову*);

зо лумо лумо - быстрая беготня маленьких животных вроде мышей, крыс (ср. *крутиться как белка в колесе*);

зо хлоп хлоп - ходить с большим количеством предметов, в развевающейся вокруг тела одежде и т.д." (там же, 131-132).

В современном языке, пожалуй, только идиоматика может давать такое обилие характеристик предмета или явления (ср. 42 идиоматических единицы, составляют объем идиографического поля „УМ - ГЛУПОСТЬ“ (см. Ковшова 1996); более 20 фразеологизмов обогащают прототип „говорить“ (см. Телия 1994)). Представляется, что в указанном отношении - описание через воссоздание конкретного образа - идиомы наследуют мышление „понятиями-образами“.

2.5. Ситуативный и полипризнаковый характер идиом

Рефлексы допонятийного мышления в семантике идиомы проявляются и в способе выбора образа, лежащего в основании этих знаков: этот выбор основан на конкретно-фактическом мышлении, где ассоциации - „случайные“ (ср. идеографический ряд „бездельничать“: *бить баклуши* - конкретный трудовой процесс, *гонять собак* - наблюдения из жизни и т.п.).

Такая конкретность присуща, в частности, одной из форм синкретического мышления - так называемому „комплексному мышлению“ (термин Л.С. Выготского). В основе его находим „фактические связи, открываемые в непосредственном опыте... Подобный комплекс лежит не в плане абстрактно-логического, а в плане конкретно-фактического мышления, потому он не отличается единством связей, которые лежат в его основе...”(там же, 140). Если в понятии отражается существенная, единообразная связь, то в комплексе - фактическая, случайная, конкретная. Собственно ассоциативное мышление и есть комплексное: предметы или явления объединяются на основе сходства формы, цвета, размера и т.д. Суть комплексного мышления состоит в том, что оно способно объединять предметы на основе хотя бы одного общего (часто случайного) признака. Таким образом, конец ассоциативного комплекса может не иметь ничего общего с его началом.

Если обратить внимание на принцип организации идеографических полей, то, на наш взгляд, они представляют собой такого рода „комплексы”, т.е. обобщения, в основе которых лежат конкретные, фактические, а потому разнородные связи (в то время как в

основе „научного” понятия лежат связи единого типа) (см. Выготский 1982).

Л.С.Выготский выделяет несколько типов комплексов в зависимости от характера взаимосвязи включенных в него объектов, например, *ассоциативный тип* - в основе объединения лежит любая ассоциативная связь, любое конкретное отношение; *коллекции*, где конкретные предметы объединяются на основе взаимного дополнения и др. Важным отличает комплексов от понятий является отсутствие в них иерархических связей и иерархических отношений признаков - все признаки оказываются принципиально равными в функциональном отношении.

Л.С. Выготский отмечал, что особенность детского комплексного мышления составляет не исключение, но правило в развитии языка (там же, 163, т.2). Заметим, что и в работе А. Потебни „О некоторых символах в славянской народной поэзии“ говорится о комплексной стадии в развитии языка (см. Потебня 1989).

Комплексный характер мифологического мышления, неоднородный характер связей, устанавливаемых между предметом и словом, основанный на конкретном, образном восприятии мира, можно проследить и в фольклорных текстах и обрядах, где нет однозначного соответствия между действием (обрядом, ритуалом) и его мотивировкой. Часто наблюдается „множественность мотивировок действий... Это объясняется... механизмом мотивационной связи, допускающей выбор разных признаков в качестве основы мотивации и разных мотивирующих аналогов, удовлетворяющих выбранному признаку“ (Толстая 1992, 44).

Точно также и идиомы являются „полипризнаковыми“ за счет такой особенности, как *ситуативность*. Сам образ, лежащий в их основе, случаен, его выбор определяется признаком, важным для уподобления (ср. синонимичные по денотату (см. Степанов 1965) идиомы *подрезать крылья* и

завинчивать гайки). Вместе с тем именно ситуативный характер образа и его полипризнаковость обеспечивают то, что идиомы могут выступать как постоянные сказуемые при переменчивых подлежащих. Подчеркнем, что „идиомы остаются полипризнаковыми, пока не стирается образное восприятие их „буквального значения“ (Телия 1996, 153). Думается, что принципы ассоциативности, взаимодополнительности, отсутствие иерархических отношений, характерны для принципа организации идеографических полей (ср. идиомы, принадлежащие одному идеографическому полю, например, „Ум” или „Труд - Безделье”).

2.6. „Образ мира“ в идиомах

Думается, что одной из основных функций идиом, содержание которых отражает „коллективные представления”, является создание „образа мира“, т.е. такого образа, в котором зафиксирован и воспроизведен жизненный и культурный опыт данной лингвокультурной общности, опыт, к которому мы неосознанно прибегаем (Леви-Брюль 1994, Смирнов 1981, Петухов 1977, 1984, см. так же Серебрянников 1988, Кубрякова 1988, Постовалова 1988, Телия 1988, Уфимцева 1988). Именно поэтому идиомы способны выполнять роль стереотипов культуры, задающих нормы и образцы действий, состояний, ситуаций. Не случайно их содержание дает представление о базовых категориях человеческого существования - жизни, смерти, пространстве, времени и т.п. Например, жизнь осмысливается архаическим сознанием как путь (*сбиться с пути, встать на путь истинный, выбиться из колеи, войти в колею, забегать вперед, плестись в хвосте, далеко пойти* и т.п.), который предполагает цель (ср. *идти прямо к цели - ходить*

вокруг да около), самостоятельность передвижения (ср. *держаться за мамину юбку, шагу не мочь ступить, идти на поводу, встать на ноги*). Таким образом, в идиомах отражены представления не только о „базовых” категориях, но также и „предписания” должного поведения и того, как следует себя вести: не следует *метаться из стороны в сторону, рубить сплеча, носиться как угорелому, ждать у моря погоды, переть на рожон*; напротив, надо *держаться себя в руках, не распускать нюни, не падать духом, не выходить из себя, идти с высоко поднятой головой* и т.п.

Итак, мы полагаем, что большинство образов, лежащих в основании идиом, соотносятся с мифологической картиной мира, т.е. с тем базовым (прототипическим) представлением о мире, которое является общим для носителей языка, и тем самым составляет основу их культурной идентичности. В связи с этим интересна и гипотеза, высказанная М.Л. Ковшовой, о том, что идиому можно рассматривать как „тест” на культурную идентичность (Ковшова 1997).

2.7. Идиома как элемент внутренней речи субъекта культуры

Предикативный характер идиом (см. Телия 1990, 1996, Черданцева 1988, 1990, Гак 1988), смысловая насыщенность их значений, „непрозрачность” для понимания носителями другого языка, а также предположение о том, что носители языка владеют значениями идиом, а значит и культурным кодом, преимущественно - на уровне бессознательного, - все это позволяет сравнивать идиому и слово во „внутренней речи” по Л.С. Выготскому, т.е. говорить об

идиомах как о фрагментах внутренней речи субъектов данной культуры.

Как следует из работ Л.С. Выготского (см. Выготский 1981), внутренняя речь обладает особым синтаксисом, а именно, отрывочностью, фрагментарностью и сокращенностью по сравнению с внешней речью, поскольку „тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Нам нет необходимости называть то, о чем идет речь, т.е. подлежащее. Это приводит к господству чистой предикативности во внутренней речи... Наедине с собой нам никогда нет надобности прибегать к развернутым формулировкам и достаточно одного только сказуемого... Больше того, в своей внутренней речи мы всегда смело говорим свою мысль, не давая себе труда облекать ее в точные слова... внутренняя речь есть в точном смысле речь почти без слов“ (там же, 168-169). Далее, „слово во внутренней речи вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения... оно является концентрированным сгустком смысла. Во внутренней речи мы всегда можем выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения лишь одним названием... Благодаря этому идиоматическому характеру всей семантики внутренней речи она естественно оказывается непонятной и труднопереводимой на наш обычный язык“ (там же, 166,172) (подчеркнуто нами - С.К.). Таким образом, значение идиомы разделяет свойства слова, как оно существует во внутренней речи.

Не только идиомы, но и фольклорные тексты обладают свойствами внутренней речи. Так, Т.В. Цивьян пишет о том, что загадки, пословицы, поверья, приметы и т.п., являясь своего рода обучающими текстами, должны были заботиться о сохранности заложенной в них информации, однако „размер текста позволяет заключить в него лишь

экстраж сообщения. Всякого рода связки, объяснения, рассуждения и т.п. приходится опускать: перед нами начало и конец, связанные друг с другом только постулатом истинности, заменяющим в первобытном мышлении каузальность“ (Т.В. Цивьян 1990, 134).

Остается предположить, что подобная форма передачи информации - „особый способ кодирования“ (там же), подразумевающий культурную компетенцию носителей языка, т.е. способность соотносить образы идиом или фольклорных текстов с соответствующими им культурными знаниями - архетипами, мифологемами, символами, концептами культуры и т.п.

Если идиомы выполняют функцию культурного „кода“, то в этом случае ее значение богаче, чем то, которое может быть получено из выводного знания, исходящего из соотнесения ее буквального (образного) содержания с миром „Действительное“. Но эта составляющая значения имплицитна: она опознается по эмоциональной составляющей, содержание которой отображает результат интерпретации образа и его оценку с позиций установок культуры. Так, сами по себе образы типа *подрезать крылья, пасти ежиков*, и т.п., рассматриваемые безотносительно к культурной интерпретации, имплицитно рациональную оценку и эмоциональную реакцию на образ, но только погружение их носителем языка в контекст культурного знания вводит в содержание идиомы чувственно-отношение, в основе которого - морально-нравственные установки, переживаемые субъектом культуры (эти чувственно-отношения и образуют спектр эмотивности (*подрезать крылья* - говорится с осуждением, ср. *отдавать всю душу* - говорится с одобрением)) (см. Телия 1994, 1996).

2.8. Буквальное прочтение образа как отображение следов мифологического (пра-логического) сознания в семантике идиом

Представляется, что способ мышления, связанный с восприятием идиом, во многом наследует архаические (мифологические) формы мышления, особенностью которых является *алогичность*, проявляющаяся в том, что оно функционирует на основе закона партиципации или сопричастия, предполагающего отождествление субъекта и объекта.

В первобытных обществах закон сопричастия проявляется, в частности, в том, что члены племени отождествляют себя с тотемным животным. Л. Леви-Брюль приводит примеры того, как племя Бороро отождествляет себя с красными араара (попугаи), причем это не означает, что „только после смерти они превращаются в араара или что араара являются превращенными в бороро”, что можно было бы предположить, пытаясь объяснить подобное заявление с точки зрения обычной логики. Нет, бороро утверждают, что они уже сейчас являются араара, т.е. туземцы считают себя одновременно и человеческими существами, и птицами. Э. Кассирер поясняет, что „когда в тотемической модели мира группа делится по тотемическому принципу и отдельные индивиды *называют* себя по тотемным животным или растениям, речь идет не о произвольном разыгрывании при помощи конвенционального языкового или мифологического „знака”, а о реальной общности существ (подчеркнуто нами - С.К.)” (Кассирер 1990, 39).

Именно потому, что в мифологическом сознании мир предстает как единый, где все связано со всем, все во все

переходит, где „вселенная, общество и человеческое тело рассматриваются как изоморфные (подчеркнуто нами - С.К.) миры,... мир, представленный глазами мифологического сознания, должен казаться составленным из объектов одноранговых (подчеркнуто нами - С.К.)” (Лотман 1992, 75, 59), в нем невозможна метафора. По мнению Ю.М. Лотмана, метафора является следствием восприятия мифологического текста немифологическим сознанием. В самом мифе метафоры нет, поскольку в нем „речь идет о совершенно отличном и гораздо большем, чем простая „замена”, чем риторико-языковые фигуры; то, что кажется при нашей позднейшей рефлексии простым переносом, является для него (мифа) подлинной и непосредственной идентичностью” (Кассирер 1990, 39).

Заметим, что существует и противоположная точка зрения, согласно которой метафора является зародышем мифа и ритуала (см. Мелетинский 1993, 1994). Мы же, в свою очередь, полагаем, что в основе мифа лежат **архетипические** (по К. Юнгу) образы или символы, с помощью которых передаются коллективные представления, присущие данному обществу, причем такой способ трансляции культуры носит не рефлексивный, а бессознательный характер. И только более позднее - историческое (логическое) сознание воспринимает миф с иных, внешних по отношению к нему позиций. Логическому типу сознания присуще другое членение мира - видо-родовое, которое и позволяет конструировать метафору. Иными словами, если для первобытного сознания существует только одна реальность - мистическая, то для более позднего сознания становится возможным помыслить то, что по Витгенштейну называется возможными мирами, благодаря „модусу фиктивности” И. Канта - *als ob* („как если бы”).

Таким образом, отсутствие метафоры - признак архаического мышления, проявления которого встречаем в сновидениях (как одной из форм бессознательного), при патологиях мышления (аутизме), а также при обращении к миру ребенка. Известно, что дети воспринимают метафору «буквально», т.е. как то, что имеет место на самом деле. Феномен отказа ребенка младшего возраста от метафоры был показан, в частности, в работе А.М. Шахнаровича и Н.М. Юрьевой (см. Шахнарович, Юрьева 1988). Отметим, что и на стадии наглядно-интуитивного мышления, соответствующего стадии символической игры (см. Пиаже 1969), один предмет может выступать (замещать) в качестве другого. Но наблюдения за детьми с очевидностью показывают, что ребенок, понимая условность игры, доверяет такой подмене.

Удачными примерами проявления неметафорических форм сознания могут служить и наблюдения, сделанные в области психологии К. Юнгом и Э. Блейлером. Первый работал со сновидениями, второй - с особым рода мышлением - аутическим. К.Юнг открыл, что одним из механизмов языка сновидения является буквальное прочтение того, что на сознательном уровне воспринимается и понимается метафорически. Он писал: “Я вспоминаю свой собственный сон, который мне трудно было осмыслить. В том сне некий человек пытался подойти ко мне сзади и запрыгнуть на спину. Я ничего о нем не знал, кроме того, что однажды он подхватил мою реплику и лихо спародировал ее. И я никак не мог увидеть связи между этим фактом и попыткой во сне прыгнуть на меня... и в скорости я добрался до сути этого сна. В нем использовалось австрийское ходячее выражение, переведенное в зрительный образ. Эта фраза ... - „ты можешь залезть мне на спину“ означает следующее: „мне все равно, что ты говоришь обо мне“ (Юнг 1991, 43). Ту же тенденцию к

буквальному прочтению отмечал и швейцарский психиатр Э.Блейлер, когда общеизвестная аналогия любви с огнем воспринимается аутистом как нечто реальное и превращается у него в галлюцинацию сжигания (Блейлер 1981, 115).

Частным случаем закона партиципации является принцип, согласно которому мифологическое сознание отождествляет часть и целое. Э. Кассирер пишет, что в мифологическом мышлении каждая часть *эквивалентна* целому, каждый экземпляр - виду или роду как таковому. „Каждая часть не только репрезентирует целое, а индивид или вид - род, но они ими *являются*; они представляют не только их опосредованное отражение, но и непосредственно вбирают в себя силу целого, его значение и действительность... Большинство форм „магии по аналогии” исходит из того же основного принципа, при этом они указывают, что имеется в виду не простая аналогия, а реальная идентичность (подчеркнуто нами - С.К.)” (Кассирер 1990, 39). Например, когда дождь призывается с помощью распыскивания воды, то он не только образно представляется, но и реально воспринимается в каждой капле. Метонимия является реализацией закона эквивалентности части и целого современным типом сознания точно также, как метафора - реализацией закона изоморфизма.

Отсутствие метафоры (метонимии) в пра-логическом мышлении позволяет предположить, что восприятие идиомы осуществляется в двух режимах: на основе „буквального” прочтения образа (как отголосок мифологического способа мировосприятия) и на основе метафоры (метонимии) (как более позднего, свойственного современному сознанию способу мышления).

Думается, что восприятие идиом подчинено двум параллельно протекающим процессам: первый связан с

реакцией носителей языка на буквальное прочтение образа и актуализацией глубинных структур сознания (носящих мифологический характер), а второй - с логическими структурами сознания, которые обеспечивают метафорическое (переосмысленное) прочтение образа. Мы полагаем, что именно „буквальное“ прочтение образа дает возможность его интерпретации в „мифологической системе координат“.

Сформулируем основные положения второй главы:

1. На основании того, что в план содержания идиом включен культурный компонент, а также в силу таких особенностей идиом как образность, способность побуждать эмоции, чувства и отношения, наиндивидуальный характер, ситуативность и полипризнаковость их значения, ряд общих черт этого значения с ритуальным текстом выдвигается гипотеза, согласно которой значения идиом являются аналогами „коллективных представлений“ (Л.Леви-Брюль) - способа мышления, характерного для архаического сознания.

2. Восприятие идиомы происходит в двух режимах: на основе „буквального“ прочтения образа (как отголосок мифологического способа мировосприятия), благодаря чему он интерпретируется в глубинных категориях культуры, и на основе метафоры (метонимии) (как более позднего, свойственного современному сознанию, способу мышления).

3. Ведущей функцией идиом, как единиц языка, в семантике которых сохраняются следы «коллективных представлений», является построение „образа мира“, т.е. той основы, которая обеспечивает целостное его

восприятие, и на основании которой формируется культурная идентичности носителей языка.

4. Предикативный характер значения идиомы, его свернутость и одновременно смысловая насыщенность позволяют говорить о том, что идиома разделяет свойства слова как оно существует во внутренней речи, как бы являясь элементом внутренней речи субъекта данной культуры. Именно поэтому понимание значения идиомы возможно лишь при условии погруженности субъектов в контекст культурных смыслов, т.е. предполагает определенный уровень их культурно-языковой компетенции.

Глава 3

Экспериментальное исследование восприятия образного основания идиом

В задачи настоящего исследования входило:

1. Разработать методику проведения психолингвистического эксперимента, который бы позволил выявить феноменологические свойства образа, актуализирующегося в сознании носителей языка при восприятии идиомы.

Предполагалось, что 1) образы, возникающие в сознании носителей языка, носят полимодальный характер, т.е. они переживаются зрительно, тактильно, осязательно и т.д.; 2) идиомы вызывают в сознании образы а) основанные на прямых значениях компонентов; б) связанные с ситуацией употребления идиомы; в) глубинные, архетипические образы, т.е. образы, связанные с „коллективными представлениями”, присущими данной лингвокультурной общности.

2. Экспериментально проверить гипотезу, согласно которой образное основание идиомы представляет собой структуру знания, в которую включены денотативный, оценочный, эмоциональный, эмотивный, культурный и стилистический компоненты.

3. Проверить гипотезу о том, что механизм восприятия идиом включает как режим метафорического прочтения образного основания, так и режим восприятия образа в его прямом значении. Предполагалось, что в зависимости от того, знают или не знают носители языка конвенциональное значение идиомы, доминирует тот или иной режим восприятия (в связи с этим в эксперименте

предполагалось участие испытуемых (носителей языка) из разных возрастных групп).

4. Уточнить механизм культурной интерпретации для идиом, в состав которых входят элементы с символическим прочтением.

План эксперимента.

Направленный ассоциативный эксперимент состоял из трех серий, в ходе которых варьировались различные типы инструкций:

1. В первой серии испытуемым предлагалось в письменной форме объяснить значение идиом (идиомы предъявлялись в контексте и без контекста на отдельных карточках) или описать ситуации, в которых эти идиомы, как правило, употребляются. Испытуемых просили также указать на образные ассоциации и на эмоции, если они возникают в связи с восприятием идиом. Испытуемые не были ограничены во времени. В среднем работа с каждой идиомой составляла 15-20 мин. В эксперименте принимали участие только школьники (60 человек).

2. Поскольку основной задачей исследования было уточнение механизмов восприятия идиомы, как когнитивной структуры, а также уточнение механизма культурной интерпретации образа, лежащего в основании идиом, вторая серия эксперимента была организована таким образом, чтобы испытуемые работали с образным компонентом ее значения. С этой целью нами был использован метод „незаконченного предложения“: испытуемым предлагалось описать значение идиомы с помощью следующих конструкций: „Это если...“ и „Это когда...“. Например, *рубаха-парень* - „это если ...“, *золотой мешок* - это когда ...“. Такой прием позволяет избежать направленности на припоминание носителями языка значения, но стимулирует респондентов на свободную интроспекцию, погруженную в речевой опыт.

Участие в этой серии эксперимента испытуемых из разных возрастных групп (100 школьников, 35 студентов и 35 взрослых) давало возможность сравнить формы существования значения идиом у носителей языка, владеющих разной языковой и культурной компетенцией. Каждый испытуемый работал по крайней мере с двумя идиомами. На каждый ответ давалось около 20 мин.

3. В третьей серии эксперимента акцент ставился на экспликации механизма культурной интерпретации образного основания идиом. В связи с этим методика проведения эксперимента была дополнена целым рядом инструкций: испытуемые работали в режиме „это если...“, „это когда...“, кроме того школьников просили ответить на следующие вопросы: про какого человека можно сказать, что он, например, *белая ворона*; почему о человеке можно сказать, что он, например, *голубая кровь*; хотел бы ты, чтобы тебя называли, например, *драная кошка*. Часть испытуемых давала ответы в устной форме, поскольку устная речь является наиболее естественной формой для разговорного языка, в котором и распространено употребление фразеологизмов. Количество и состав испытуемых был тем же, что и во второй серии. Испытуемые не были ограничены во времени.

Методика эксперимента

Отбор стимульного материала

В качестве экспериментального материала было отобрано 35 идиом из идеографических полей „чувства и состояния“ (*задеть за живое, быть не в своей тарелке, как рукой сняло*), „поведение“ (*вожжа под хвост попала, ждать у моря погоды, сидеть сложа руки*) и 70 идиом, принадлежащих идеографическому полю „свойства личности“ (*рубаха-парень, ни рыба ни мясо, бездонная бочка*). Выбор именно этих идеографических полей был обусловлен тем,

что принадлежащие им идиомы наиболее „психологичны”, а потому содержащие в своем значении коннотативные компоненты - эмоциональный, оценочный, стилистический и эмотивный, - что в свою очередь позволило бы пронаблюдать макрокомпонентную модель значения идиомы „в действии”. Среди отобранных для эксперимента идиом есть как фразеологические единства, так и фразеологические сращения, т.е. идиомы с разным структурно-семантическим типом значения, поскольку этот параметр мог оказаться значимым при восприятии идиом. В эксперимент вошли также фразеологические сращения из других идеографических полей: *ни кола ни двора, дать дуба, каша в голове, турысы на колесах, в ус не дуть, у черта на рогах*.

Инструкция приведена выше при описании плана эксперимента.

Испытуемые. В эксперименте приняло участие 250 человек из трех возрастных групп:

1) 35 взрослых от 25 до 55 лет; 2) 35 студентов МГПУ 5 курса филологического факультета; 3) 180 школьников, учащихся 8 - 10 классов средней и специальной школ. Взрослые и студенты составили так называемую „контрольную группу”, т.к. предполагалось, что они владеют конвенциональным значением идиом. Собственно экспериментальной явилась группа испытуемых-школьников, культурно-языковая компетенция которых, по нашему мнению, еще продолжает формироваться. Мы полагали, что те способы, с помощью которых школьники распознают смыслы, содержащиеся в идиомах, могут раскрыть механизмы восприятия и интерпретации этих „микротекстов”.

Результаты и обсуждение.

В результате эксперимента нами были получены так называемые протоколы - „тексты”, написанные испытуемыми или записанные экспериментатором (в тех случаях, когда давались устные ответы). Приведем образцы протоколов из первой и второй серии эксперимента.

1) *Упасть духом* - „резко расстроиться, испугаться. Трудно объяснить, что именно чувствует человек в это время, но это похоже на смутную тревогу в душе. Он начинает продумывать варианты последствий того происшествия, из-за которого, собственно, человек и упал духом” (ответ школьника 9 класса).

2) *Бездонная бочка* - „это сколько не дай, не вложи, не сделай - все мало. Возникает ощущение безнадежности, невозможности получения окончательного результата” (ответ взрослого).

В тексте ответы школьников, студентов и взрослых будут обозначены соответственно: *ш, с, в*.

1. Данные эксперимента подтвердили гипотезу о полиmodalности образного основания идиом, т.е. его способности актуализировать в сознании носителей языка образы самой разной природы: зрительной, слуховой, осязательной, кинестетической (моторной). Образ идиомы как бы воспроизводит целостную предметную ситуацию, которая видится, слышится, осязается, переживается „телесно“ и кинестетически; он вызывает самые разные ассоциации, связанные с индивидуальным опытом, и позволяет вновь его пережить (в этом случае мы будем говорить об образе-переживании). Об этом свидетельствуют ответы респондентов. Приведем некоторые примеры из полученных протоколов, дающие представление о том, какие виды модальности выделяли испытуемые.

Примеры, в которых доминирует зрительная модальность.

На седьмом небе - „при этой фразе у меня возникает картина неба. На небе семь слоев облаков, а после седьмого слоя чистое голубое небо. Светит солнце и летает радостный человек. Однако, если эту фразу произносят при мне, у меня обычно не возникает никаких ассоциаций, если только чистое голубое небо”(ш).

Образное основание данной идиомы было воспринято в зрительной модальности, причем указано, что в обычной ситуации общения образ, возникающий в восприятии осознается не развернуто, как в данном случае, а редуцированно (только чистое голубое небо). Кроме того, образ вызывает чувство радости и легкости (летает радостный человек), что позволяет предполагать наличие положительного переживания у респондента.

Вывести из себя - „образ-ассоциация: один человек „отделяется“ от другого, это как бы его синение (раздражение) от того, что делает его собеседник... его злость материализовалась и отделилась от него в виде человека”(ш).

В этом ответе образ опять же прочитывается буквально и воспринимается как зрительная картинка. Образ-ассоциация - это как бы визуальное представление того чувства (ощущения), которое описывает данная идиома (раздражение) и которое как бы вновь переживает испытуемый.

Не в своей тарелке - „ассоциация: человек стоит в уголке, красный от смущения, и стесняется...“. „Неуютно, страшно. Я часто ощущаю себя „не в своей тарелке”(ш).

Образное основание идиомы вызывает зрительную картинку (человек стоит в уголке, красный от смущения). Кроме того, образ переживается как ощущение дискомфорта (неуютно, страшно).

Упасть духом - „потерять надежду, смысл жизни, отчаяться. Представляется человек с безразличным

взглядом,.. погруженный в мрачные мысли. Мои эмоции трудно выразить. Это что-то между жалостью и смятением (я имею ввиду эмоции по отношению к этому человеку)”(ш);

Руки опустились - „бессилие, безнадежность (человек с руками, болтающимися как веревки)” (ш).

Сердце в пятки ушло - „сразу представляешь себя, когда стоишь перед приемной комиссией, сам ты холодеешь и синеешь, а сердце уходит, начинает особенно биться не там (в груди), а ниже, ближе к желудку”(ш);

Отметим, что в приведенных примерах «буквальное» восприятие образа всегда сопровождается той или иной эмоцией.

Примеры на слуховую модальность.

Кошки на сердце скребут - „'скребут' - звук плохой, ухо раздражает. Ритмически неприятный. Это состояние сомнения, волнения”(в).

Турусы на колесах - „вести бестолковый разговор. Ассоциируется со скрипом, это что-то несмазанное” (в).

Скрепя сердце - „ассоциация: человек делает свою работу медленно-премедленно, часто переделывает уже сделанное и очень громко охает и вздыхает”(ш).

Примеры на телесную модальность.

Не в своей тарелке - „плохо себя чувствовать, не в своей среде. Это выражение подходит к моей натуре. Я часто ощущаю себя не в своей тарелке”(ш).

Боль как рукой сняло - „боль - что-то горящее, лежащее на голове. Усталость - огромный камень, давящий груз”(ш).

Трястись над каждой копейкой - „трястись - это что-то болезненное, нездоровое”(в).

Не находить себе места - „когда я волнуюсь, я действительно не нахожу себе места - то встаю, то сажусь, то хожу по комнате”(ш).

Как рукой сняло - „когда человек снимает, допустим, с вешалки пальто, он совершает быстрое действие. Поэтому, когда человек болен и вдруг стал быстро выздоравливать, говорят: „Как рукой сняло“(ш).

Итак, образ, вызываемый идиомой, является полимодальным, в том числе „телесным“. Можно предположить, что в обычных условиях речи образное основание идиомы не воспринимается так развернуто, точнее, он не осознается так подробно. Вероятно, он актуализируется в редуцированном виде, как гештальт-структура (не „семь слоев облаков, а над ними - человек ...“, а только „чистое голубое небо“). Однако, образ в любом случае присутствует в сознании, потому что именно он вызывает эмоции и переживания. В связи со сказанным уместно вспомнить наблюдения одного мнемониста, который писал, что узнает не только по образам, а по всему тому комплексу чувств, который этот образ вызывает. „Их трудно выразить - это не зрение, не слух... Это какие-то общие чувства“ (Б. Величковский, 97).

Развернутые ответы с описанием образных ассоциации, вызванных восприятием образа в его прямом значении, типичны для школьников, часто встречаются в ответах студентов, реже встречаются у взрослых. В ответах взрослых носителей языка преобладает описание денотативного, а, значит, рационального аспекта значения, что подтверждает нашу гипотезу о том, что осознание образа в его прямом значении зависит от того, задачу какого типа решает носитель языка. Видимо, для взрослых восприятие идиомы - это „шаблонная” задача: они знают конвен-

циональное значение идиомы и сразу его актуализируют. Однако, здесь нет жесткой зависимости, и можно говорить лишь о тенденции к „свертыванию” образа.

2. Следующий аспект анализа данных - рассмотрение образа как когнитивной структуры, как свернутого текста, содержащего денотативный, оценочный, эмоциональный, эмотивный, стилистический и культурный компоненты.

1) Ответы, в которых представлен только **денотативный компонент значения**, встречаются крайне редко, поскольку обычно он сопряжен с **рациональной оценкой**:

Голь перекатная - „по-настоящему беден, без перспективы стать богатым”(в).

Толстый (тугой) карман - „человек, который имеет хороший достаток”(в).

Обвести вокруг пальца - „когда обманывают в практической ситуации, т.е. есть сюжет обмана. Обман с получением выгоды для себя”(в).

Каша в голове - „неспособность охватить (осмыслить) полученный объем информации, непонимание чего-либо”(в).

Обратим внимание на то, что денотативный и оценочный компоненты значения идиомы не связаны с буквальным «прочтением» образа. Носители языка „решают” шаблонную для себя задачу, т.е. они знают конвенциональное значение идиом и поэтому не работают с образом. Как результат - отсутствие в этих ответах эмоционального, культурного и эмотивного компонентов значения.

2) Ответы, в которых представлены **денотативный, рациональный и эмоциональный компоненты значения**:

Тертый калач - это очень опытный человек, всегда может найти выход из любой ситуации. С ним не стоит связываться, потому что он все равно выигрывает. Тертый калач - это хлеб, который долго не покупают в магазине,

его трогают руками, смотрят, но не покупают. От времени, прикосновений хлеб затирается, потом он черствеет, становится твердым, как камень, что его уже не укусишь, им можно гвозди забивать. Вот почему с *тертым калачом* лучше не связываться(с).

Обратим внимание на то, что денотативный и рационально-оценочный компоненты («опытный человек») значения не связаны с буквальным прочтением образа. Испытуемый обращается к образу («черствый хлеб») для выражения своего эмоционального отношения к человеку, которого можно назвать *тертый калач*. И хотя эмоция прямо не названа, она передана с помощью образного ряда (хлеб, который не покупают, трогают руками; хлеб черствый, твердый, как камень и т.д.). Испытуемый сообщает и о своем отношении к X-у - «с таким человеком лучше не связываться», но это, как представляется, еще не эмотивность, поскольку носитель языка не работает с установками культуры, а ориентируется на свой жизненный опыт, оценивает X-а с точки зрения межличностно-поведенческих отношений.

3) Ответы, в которых выделен *денотативный, рационально-оценочный, эмоциональный и эмотивный компоненты*:

Волк в овечьей шкуре - „человек, который надевает маску доброго человека (денотативный компонент), как волк одевает шкуру овцы, чтобы его не узнали, и проникает в стадо, и делает там свое черное дело - съедает всех потихоньку (эмоциональный и эмотивный компоненты слиты). Это скрытный человек, злой по характеру, причиняет боль, но он всегда старается быть незаметным в коллективе и притворяется добрым (рационально-оценочный компонент)”(с).

Испытуемый расшифровывает метафору - человек надевает маску, как волк «надевает» шкуру овцы, и

одновременно работает с буквальным прочтением образа - «волк в овечьей шкуре». И именно «волк» в его прямом значении вызывает эмоцию и эмотивное отношение, которые передаются с помощью образа „черное дело”, имеющего сильную культурную нагруженность.

Вожжа под хвост попала - „резкая перемена характера, например, с человеком договорился, а он в последнюю минуту взял и не пришел. Ненадежность - самое плохое качество у человека”(ш).

Пример показывает разницу между эмоциональной реакцией и эмотивной оценками. Первая связана с проигрыванием ситуации по отношению к себе - это скорее *обида*, вторая как бы со взглядом со стороны - с точки зрения этических норм - *осуждение*.

Трястись над каждой копейкой - „это выражение относится к завистливым людям, которые готовы из-за „копейки“ на все, вплоть до самых грязных дел”(ш).

Трястись над каждой копейкой - „даже когда у человека есть деньги, он трясется над ними или изображает их отсутствие. Это связано с жадностью. Я такому человеку не верю”(в).

В последних примерах эмоциональная реакция - *недоверие*, эмотивная оценка - явное *неодобрение* (в первом случае - даже *презрение*).

4) Особо отметим случаи, когда денотативного компонента значения в ответах нет, точнее, он опущен, а есть лишь указание на рациональную оценку и эмоциональную реакцию, которые, кроме того, имеют разные „знаки”, поскольку испытуемые оценивают не только содержание значения идиомы, но и свое реальное поведение в жизни.

Грести деньги лопатой - „с таким человеком работать не буду, но в общем хорошо - купцы”(в);

Задеть за живое - „так нельзя, это „больно“, но я сама часто невольно могу „задеть за живое“(ш).

5) Ответы, в которых есть указание на *денотат, рациональную, эмоциональную и эмотивную оценка, а также на условия общения:*

Как с гуся вода - „нераскаянное отношение к поступку (денотативный компонент). Говорится с чувством смягченного осуждения (эмотивная оценка), т.е. в ситуациях не очень важных для говорящего (ср. стилистическую помету - неформ.). Предполагается ласковое отношение (эмоциональная оценка). Про врага так не скажешь. Про врага скорее *плюй в глаза - все божья роса*. С презрением (эмотивная оценка)“(в).

Стреляный воробей - „человек, который побывал во всяких передрягах, которого обманывали, но теперь он приобрел опыт, и его не обманешь (денотат). Оценка (рациональная и эмоциональная) доброжелательная или нейтральная. Можно сказать по отношению к человеку не очень высокого ранга, равного или меньше - воробьиность сказывается, т.е. относится не к большой птице (важной) (ср. стилистическую помету - неформ.)“(в).

Отводить душу - „когда вас сердят, вы начинаете копить злобу и „взводите душу“, как взводят револьвер. Злобу надо вылить, выплеснуть, иначе душа взорвется, как паровой котел. Можно для этого использовать топор и дрова, можно кулак и первого встречного, некоторые используют ненормативную лексику, спортсмены направляют свою злость на штанги и гири, а святые гасят в себе. Эта идиома употребляется для оправдания: „Чего ты орешь?!“ - „Извини, отвел душу, вырвалось само...“. Эмоция - чаще всего именно вина: „Извини, что ругаюсь: надо же отвести душу!!!“(ш).

Структуры знания, содержащиеся в идиоме, представляет своего рода скрипт, в котором представлены

причина (*вас сердят*), следствие (*вы начинаете копить злобу*), окончательный итог (*злоба выплескивается*); перечисляются возможные способы „отводить душу“ (*кулак, ненормативная лексика*); то чувство или та эмоция, которую должен испытывать субъект (*вина, извинение*); цель, ради которой употребляется идиома (*для оправдания*). Интересно, что в узусе эта идиома нейтральна - она обретает рациональную, эмоциональную и эмотивную оценку именно по тому „способу“, который проявляется в ситуации.

5) Ответы, в которых дана **культурная интерпретация образа**:

Брать за душу (в контексте предложения „Прямо за душу берет ее искренность“) - „от этого словосочетания у меня сразу возникает ощущение чего-то чистого, светлого, доброго, но вместе с тем крепкого, стойкого. Видимо эта идиома происходит с давних давних времен (например, Киевская Русь), ведь русский человек был очень религиозный, а душа, дух - самое главное в человеке. В этом предложении также возникает образ этой девочки (женщины? девушки?) - доброй, радостной, чувствительной, отзывчивой. Ассоциируется же это у меня с улыбкой, как улыбается ребенок во сне. Интересно, что у французов эта идиома звучит *взять за кишки*, т.е. за что-то внутреннее, глубинное, но звучит это как-то грубее и ассоциируется с болезнью“(ш).

Пример очень интересный, поскольку он как раз подтверждает гипотезу о том, что образ идиомы может быть адекватно прочитан в категориях культуры только в том случае, если он соотносится с нужным архетипом, в данном случае архетипическим является образ *души*, который, в свою очередь, соотносится с культурным представлением о том, что душа - самое важное в человеке. Сопоставление с инокультурным образом - *взять за кишки*,

а значит изменение внутренней формы, неизбежно приводит к тому, что образ идиомы ассоциируется с архетипом болезни, в результате знак эмотивной и эмоциональной оценок меняется на противоположный. Кроме того, в ответе дано точное описание образа, который конкретен и одновременно абстрактен („возникает образ девочки? женщины?“, но скорее так улыбается ребенок), что еще раз иллюстрирует положение, разделяемое в разных психологических школах по поводу того, что мыслительные образы - не картинки в привычном понимании этого слова, что для них характерна неполнота.

Золотой мешок - „отношение к чужому человеку, богатому, из которого желательно „потянуть” деньги на какое-то дело для себя” (в).

Представляется, что характеристика лица как чужого, уже сама по себе культурно нагружена. В образе «чужого» склеены эмоциональное и эмотивное отношения - „плохо”, „неодобр.”.

Приведенные выше ответы респондентов с убедительностью показывают, что макрокомпонентная модель значения идиомы, разработанная В.Н. Телия и соавт., находит экспериментальное подтверждение, поскольку все аспекты значения (денотативный, оценочный, эмоциональный, эмотивный, стилистический и культурная коннотация) представлены в ответах испытуемых. Данные эксперимента позволяют говорить и о том, что эмоциональный и эмотивный компоненты - несводимые друг к другу аспекты значения, т.к. первый - реакция на прямое значение образа, а второй - на переосмысленное. Нередко эти реакции «склеены» за счет того, что они передаются с помощью культурно нагруженных образов, например, «черное дело», «чужой» и проч.

3. Отдельно остановимся на *способах описания значения* идиомы. Значение может быть представлено в

виде обобщенного (в том числе стереотипного) или конкретного, т.е. оно может осмысляться на разных уровнях обобщения:

а. Ответы, связанные с описанием „**обобщенного**“ образа:

горячая голова - „говорят в ситуации, когда человек не обдумав, бросился в какую-либо авантюру, не думая о последствиях”(в);

рубаха-парень - „так говорят в ситуации, когда человек очень откровенный, может доверить тебе самую сокровенную тайну”(с).

взять себя в руки - „человек расстроен, не может успокоиться, плачет, у него истерика (ш); „если человека что-то ранит, он становится раздражительным, ненавидит все вокруг”(ш);

переполнить чашу терпения - „другой делает то, что я не в силах перенести”(ш).

б. Ответы, связанные с указанием на **стереотипный** (для данного субъекта) образ:

дубовая голова - „можно назвать боксера, ученика-двоечника”(с);

рубаха-парень - „это какой-нибудь крутой металлист или панк”(с);

связать себя в узел - „актер, музыкант - любой, кто работает на людях”(ш).

в. Ответы, связанные с описанием **конкретных ситуаций**:

мокрая курица - „в дождливую или снежную погоду, человек приходит домой с растрепанными волосами, налипшими на лоб, с него течет ручьями вода, на нем мокрая одежда. Он выглядит жалким, несчастным, озябшим. Я встречаю этого человека и говорю: „Ну вот, ты опять забыл зонтик, эх, ты, мокрая курица!”(с)

каша в голове - „это когда ученик говорит: „От перемены двух сказуемых сумма не меняется“, и получает „2“(с);

сердце в пятки ушло - „когда струсил, двойку получил, когда идешь, а сзади бандит”(ш).

Такого рода ответы являются иллюстрацией того, что Л.С. Выготский называл „псевдопонятиями”, т.е. это знание того, как и когда идиому можно использовать, это знание на уровне умения пользоваться идиомой, как средством общения. В общем виде ответы такого типа можно записать в виде формулы: знать значение идиомы - знать ситуации ее употребления (ср. Витгенштейн: «значение - это употребление»).

Ряд общих черт с „псевдопонятиями” позволяет предположить, что при использовании идиом в речи, носители языка наполняют их самыми разными смыслами, что, однако, не является „помехой” для успешной коммуникации. Принципиальная „неопределенность” значения фразеологизма вносит дополнительный оттенок в понимание идиомы как свернутого текста (В.Н.Телия, И.Н.Черкасова, М.Л.Ковшова).

в. Интерпретация посредством обращения к другим образам:

вешать лапшу на уши - „очки втирать, пудрить мозги, водить за нос, загружать”(ш);

переполнить чашу терпения - „зайти слишком далеко; вывести из себя, лопнуть, взорваться”(ш);

вожжа под хвост попала - „ударить в голову, ветер в голове”(ш);

змея подколотная - „в тихом омуте черти водятся, тихой сапой”(в);

стреляный воробей - „это человек, который из любой ситуации выйдет *сухим из воды*, он обо всем знает, ему *море по колено*, человек, прошедший *огонь и воду*”(в).

Представляется, что здесь обнаруживается стремление „вписать“ образ в идеографическое поле и тем самым (в неявной форме) интерпретировать его. Последний пример интересен еще и тем, что образное основание идиомы *стреляный воробей* воспринимается на фоне архетипического представления о человеке, прошедшем ряд испытаний (обряд инициации).

г. *Интерпретация каждого элемента образа:*

гора с плеч - „гора - бремя, забота, беспокойство, с плеч - значит их сбросить”(ш);

упасть духом - „упасть, но только в моральном, духовном смысле”(ш).

не хватает пороху - „уверенности, энергии, времени”(ш);

задеть за живое - „живое - рана, самолюбие, то, что человек в себе ценит; задеть - случайно задеть, напасть, оскорбить”(ш);

играть первую скрипку - „оркестр - мир, общество; скрипач - профессионал, специалист в своем деле”(ш);

стреляный воробей - „это если человек очень слабый и совершил что-то плохое, и скрыл это, а потом его раскрыли. В общем воробей -это значит слабый, а стреляный - это значит на чем-то поймали”(ш).

Обратим внимание на то, что интерпретация подобного типа, т.е. тенденция «расшифровать» метафору, относится к фразеологическим единствам, в то время как значения фразеологических сращений объясняются через указание на ситуации их употребления.

Итак, можно говорить о нескольких способах описания значения идиомы: указание на те или иные

компоненты значения (денотативный, оценочный, эмоциональный и т.д.); обращение к житейскому опыту и конкретным ситуациям, в которых употребляется идиома; указание на „обобщенный“ образ или на типичный (стереотипный) образ; посредством включения идиомы в идеографическое поле и, наконец, интерпретация элементов образного основания идиомы, т.е. „прочитывание“ метафоры.

4. *Работа с образом, как с подсказкой* для нахождения „функционального“ решения, т.е. основания для переосмысления образа или каких-либо его компонентов в том случае, когда *испытываемые не знают конвенционального значения.*

Завестись с поборота - „это означает, что человек, если ему очень интересно что-то делать, начинает делать это интенсивно. Одним словом, ему это очень интересно, и он понимает это с полуслова (с поборота - с полуслова)”(ш).

Сердце оборвалось - „разрыв души, разрыв между людьми, между мужчиной и женщиной (оборвалось - разрыв)”(ш).

Бездонная бочка - „это когда у бочки нет дна. Это когда подразумевается что-то бесконечное и нескончаемое”(ш).

С легким сердцем - „так говорят о человеке, который не может чувствовать все детали жизни, не понимает всех мельчайших подробностей любви. Этот человек порхает как птичка. У него нет постоянных друзей, он часто ссорится с родственниками... Эта идиома вызывает у меня некое чувство зависти и грусти. Мне жалко людей с легким сердцем, но я завидую им, т.к. в трудную минуту им легче... ведь я сама такой человек, но не всегда”(ш).

Заблудшая овца - „в случае, когда в единой компании идет разговор на определенную тему с

доказательствами, и вдруг по ходу разговора кто-то теряет нить и уже не понимает основной мысли, причем начинает пробивать свою версию (другую тропу), упираясь, когда его пытаются направить на „общую тропу“(с).

Задавать тон - „это когда один повышает голос на другого” (*ш*); „это если надо доказать свою правоту, то повышают голос или выбирают нужный тон, как в музыке для каждой ноты есть свой тон” (*ш*); „это когда человек кричит или нервничает” (*ш*).

Поскольку испытуемые не знают конвенционального значения, они работают с буквальным прочтением образа, пытаясь отыскать в нем тот функциональный признак, который мог бы лежать в основании его метафорического переосмысления (бездонная бочка - что-то нескончаемое, с легким сердцем - беззаботный, но и „бессердечный“). Однако, примеры показывают, что конвенциональное значение не выводится из „буквального” прочтения образа, поскольку носители языка не знают, с какой ситуацией нужно его соотнести (ср. с примерами, когда носители языка в ответ на идиому приводили целый ряд фразеологизмов, принадлежащих „нужному” идеографическому полю, т.е. точно соотносили образ с нужным фреймом).

Обратим внимание на то, что идиомы *задавать тон* и *сердце оборвалось* мотивированы так называемыми „умозрительными” образными основаниями, а идиомы *бездонная бочка* и *заблудшая овца* - „вещными”, конкретными образами. Однако способы их восприятия ничем не отличаются, т.е. образы этих идиом осознаются.

Приведем еще один пример:

ждать у моря погоды - „я не могу себе это представить: разве на море не бывает погоды? Что подразумевается под словом погода? Например, если человек родился на севере, где горы, скалы, беспокойно,

ждать у моря погоды означает ждать покоя там, где его нет? Но тогда непонятно, когда выходишь к морю, а там полный штиль, море спокойно, чего же тогда ждать?(с)”.

Здесь испытуемый тоже работает с образом, однако образ не структурируется, не складывается в целостную картину. Субъекту не удается использовать образ, как „визуальное понятие“, поэтому задача на смысл оказывается нерешенной (решить задачу - значит представить ее). Носитель языка не знает конвенционального значения, и это не дает ему возможности поместить идиому в соответствующий ей фрейм - „поведение“, или соотнести ее с нужной архетипической ситуацией - „жизненный путь“, для которой ключевым словом является 'ждать', т.е. не идти, в то время как сценарий жизненного пути предписывает двигаться вперед: *идти прямо к цели, смотреть вперед* и т.д.

Во всех приведенных примерах носители языка интерпретируют образ, мотивирующий значение идиомы, на уровне *личностного смысла*, т.е. произвольно.

б) испытуемый знает конвенциональное значение:

отрезанный ломоть - „это человек, отколовшийся от коллектива, который теперь живет по другим правилам и обратно „вливать“ его нельзя. Вот если от черного хлеба отрезать кусок, обратно не приставишь, не прирастет. Вот и человека. Дочь у меня вот вышла замуж, отрезанный ломоть она, потому что у нее теперь своя семья, своя жизнь”.

Образ используется носителем языка как визуальное понятие. Образ мотивирует значение (отрезанный кусок обратно не приставишь - отколовшегося от коллектива человека обратно „вливать“ нельзя) и вызывает эмоциональную реакцию (сожаление).

От сердца отошло - „очень сильно полегчало, как буд-то камень с души свалился, сразу улучшилось

кровообращение” (*ш*); „Клетчатый растворился, и вместе с ним исчезла тупая игла из сердца Берлиоза” (*ш*).

Ответы показывают, что носителя языка воспринимают образ в его прямом значении, хотя они знают конвенциональное значение идиомы.

5. Конвенционального значения и личностностный смысл, как разные, но сосуществующие уровни восприятия идиомы.

У черта на рогах - „где-то далеко (общепринятое); мое собственное - находиться в состоянии душевного смятения, ломки, когда в душе сидит бес, с которым сражается ангел. Это состояние души часто бывает у меня. Тогда действительно возникает чувство, что корчишься в буквальном смысле у черта на рогах. У ангела на руках бываешь реже“ (*ш*).

Отметим, что первый, денотативный уровень осмысления образа идиомы носит без'образный характер, второй же, содержащий мифологические рефлексy, напротив, связан с буквальным прочтением образа. Случай, когда носители языка не знают конвенционального значения идиом, образы которых носят мифологический характер, особенно интересны, поскольку буквальное прочтение таких образов, как мы полагаем, позволяет проявиться рефлексам мифологического сознания.

Хоть в петлю лезть - „бывает хочется „лезть в петлю“ от скуки. Я думаю, что где-то слышал это выражение. Правда, это было давно, потому не помню, где и когда точно. Возможно эти выражения, точнее их смысл заложен в нас с рождения, т.е. когда мы впервые слышим идиому, в нашем мозгу „рисуются“ картины, ассоциирующиеся с этим выражением ... У меня это происходит примерно так: я слышу выражение, затем появляется картина (не всегда эта картина соответствует буквальному пониманию слов), и если этому выражению затем не противопоставляется

жесткое значение, принятое обществом (понять ее я иногда не в силах сам), она (картина) чаще всего такой и остается. Если же выражение уже употребляется в качестве идиомы, и ее значение мне известно, то она становится в один ряд с другими словами и словосочетаниями”(ш).

Шут гороховый - „когда человек специально дурачится (например, мотает головой, закатывает глаза, ходит по вагону метро), то другие скажут: „Во, шут гороховый“. А вообще шут гороховый представляется мне добрым, веселым и смешным; в красном колпаке и красной рубахе, а сверху круги разноцветные, как горошины. Отметим, что эмотивная оценка (неодобрение), связанная с конвенциональным значением и эмоциональная оценка, как реакция на образ (смешно, весело), не совпадают”.

Эти примеры подтверждает гипотезу о то, что процесс восприятия идиомы может осуществляться на разных уровнях: 1) на уровне конвенционального значения, когда оно припоминается в режиме метафорического прочтения, позволяющего соотнести образ с денотативным аспектом значения, 2) и на уровне личностного смысла в режиме буквального прочтения образа.

6. Для того, чтобы проследить изменения в способах восприятия значения идиомы, а также изменения в культурных установках, приведем примеры ответов, относящихся к одной и той же идиоме, испытуемых разных **возрастных групп**:

рубаха-парень - „это если человек часто меняется” (ш); „парень без принципа, глупый, не любит и не может ничего делать” (ш); „крутой металлист” (ш);

рубаха-парень - „так говорят в ситуации, когда человек очень откровенный, может доверить тебе самую сокровенную тайну, не хитрый”(с); „в ситуации, когда человек - „душа“ компании” (с); „так говорят о человеке,

который легко сходится с людьми, является душой в любой компании, появлению которого всегда рады”(с);

рубаха-парень - „отчаянная голова, легко относится к любым жизненным проблемам, живет по принципу „поживем - увидим“ (в); „если человек прост в общении, добрый и отзывчивый, свой человек” (в); „если развязный, то легко сходящийся с людьми человек, легкомысленный”(в).

Анализ ответов показывает, что компоненты личностного смысла присутствуют как в ответах школьников, так и в ответах взрослых, что еще раз подтверждает предположение о том, что образ всегда открыт для новой интерпретации, и это, в свою очередь, способствует семантическим изменениям значения фразеологизмов. Однако, в ответах школьников преобладает личностный смысл, т.е. неконвенциональная интерпретация образа, во-первых, и во-вторых, этот смысл „вычерпывается“ из буквального прочтения образа.

Сравнение ответов представителей разных возрастных групп интересно с точки зрения культурной интерпретации образного основания идиом. Так, в ответах школьников значение идиомы *рубаха - парень* получило отрицательную коннотацию (человек часто меняется, парень без принципов, ничего не любит делать и т.д. - здесь „оценка” дается поведению. Думается, что носители языка руководствовались следующими культурными установками: человек должен обладать принципами, должен быть умным и трудолюбивым. Та же негативная оценка встречается и в ответах взрослых носителей языка (человек развязный, легкомысленный). Положительную оценку значение данного фразеологизма получает только тогда, когда его образ соотносится с архетипическим образом души и „своего пространства” (*рубаха* - это то, что близко к телу, хороший человек последнюю рубашку отдаст и т.п.).

Приведем еще несколько примеров:

Каша в голове - „это если все смешалось, все перепуталось, нет четких представлений” (*ш*); „невнимательный, говорит не то, не думает, не хочет думать, а хочет, чтобы ему все на блюде поднесли” (*ш*); „не может изложить свою мысль” (*ш*); „не дружит с головой” (*ш*); „голова у него, наверное, дряхлая” (*ш*).

Каша в голове - „это когда перед сессией много информации и все сразу, так что переварить не успеваю” (*с*); „ситуация, когда информация разного рода, когда все перемешивается и одно путается с другим” (*с*); „это когда ученик говорит: „От перемены двух сказуемых сумма не меняется“, и получает „2”” (*с*).

Каша в голове - „неспособность охватить (осмыслить) полученный объем информации, непонимание чего-либо” (*в*); „следствие усталости, состояние, когда пора прекратить работать головой и отдохнуть” (*в*).

Сравнительный анализ ответов, полученных в разных возрастных группах, позволяет говорить о едином механизме восприятия идиом, а именно, идиома может восприниматься в режиме метафорического прочтения ее образного основания и в режиме прочтения образа в его „прямом” значении. Доминирование того или иного способа восприятия зависит от того, знает или не знает носитель языка конвенциональное значение фразеологизма.

7. Устные ответы (испытуемые - студенты):

концы в воду - „это так же просто, как вымыть руки (при этом испытуемый обращал открытые ладони в сторону экспериментатора)”;

рубаха-парень - „это душа нараспашку (слова пояснялись жестом, как бы разрывающим рубаху на груди (типичным для русской культуры))”;

важная птица - „испытываемый всем телом показал, как это: вытянулся, выпрямился, вытянул вперед шею (как гусь)“;

пустой карман - „вместо ответа испытываемый хлопнул себя по карманам брюк (это также характерный жест, указывающий на полное отсутствие денег)“;

дутый пузырь - „если маленький ребенок обиделся и надул щеки (при этом испытываемая „надула“ щеки и „выкачала“ губу, как если бы была маленьким ребенком)“.

Приведенные примеры убедительно показывают, что носители языка воспринимают образное основание идиомы буквально - жесты и положение тела отражали именно буквальное прочтение образа.

8. Вторая и третья серии эксперимента были организованы таким образом, что с одной идиомой работало большое количество испытываемых. В результате анализ идиом, для которых был собран своеобразный „банк“ данных, был приближен к *концептуально-идеографическому методу*, позволяющему выявлять „корневую“ метафору или корневой для данного идеографического поля образ, который и интерпретируется затем в категориях культуры (см.Телия 1994). Приведем пример толкований испытываемыми значения идиомы *медный лоб* (ответы школьников и студентов):

- плохо соображает;
- не может запомнить информацию;
- ничего не усваивается в голове;
- человек, которого учишь-учишь, а ему все бестолку;
- так говорят в ситуации, когда человек не понимает что-либо, несмотря на то, что объясняют ему 10 человек и уже целый час;
- медь - неблагородный металл, дешевый, так и знания маленькие, дешевые;

- у Генки здоровый лоб;
- когда ему дал кирпичом по лбу, а ему ничего не будет;
- если человек не обладает особым умом, но обладает физической силой;
- человек туповатый, крепкий, может быть кличка вышибалы;
- так можно сказать об охраннике фирмы, телохранителе;
- это сильный человек, выполняющий чужую волю;
- это коварный человек, метит в самую середину, поражает под самый корень;

На основании приведенных ответов можно говорить о существовании в сознании носителей языка так называемого концепта ума [см. Ковшова 1996], а именно, представлении о том, что лоб является эталоном ума, что ум никак не связан с физической силой, а порой ей даже противопоставляется, что лоб не должен быть, например, медным. Человек, о котором можно сказать, что он медный лоб, ассоциируется с представителем чужого пространства - мира мертвых (ср. “с образами “деревянных дураков” - дубины стоеросовой, головы дубовой, еловой, ольховой и т.п.. - за которыми прочитывается идея иного, свидетельством “инаковости” которого является материал, из которого он сделан” [см. Ковшова, 1999]). Он не обладает свойствами человека: не соображает, не запоминает, лишен своей воли, коварен, а значит и опасен. Интересно, что такой человек - “медный лоб” - ассоциируется с образом охранника (ср. образы рекрута, солдата, казака как представителей чужого пространства [см. Лотман, 1981, Байбурин, 1993]).

Из обобщения ответов испытуемых можно сделать вывод о том, что только на основе идеографических данных можно составить «концептуальный» портрет идиомы.

В третьей серии эксперимента испытуемые (школьники) отвечали на вопрос: „Почему так говорят?“. Приведем ряд ответов на вопрос: „Почему о людях говорят, что они *голубая кровь*?“:

- не знали, что она у них красная;
- хотели ходить синими, и кожа у них синеватая;
- нервничают и вены вздуваются;
- никого не щадят, вот почему синяя кровь;
- потому что злые, жадные, грубые, считают себя самыми хорошими;
- невоспитанные и глупые;
- хотели отличаться от простых людей, вот и придумали, что у них *голубая кровь*. Сейчас называют тех, которые важничают;
- не умели работать, жили за счет других;
- богатые, из высшей семьи;
- сильные и умные.

Отметим несколько моментов. Во-первых, приблизительно в половине случаев испытуемые работали с образом в его прямом значении. Думается, что такое единодушное неодобрительное эмотивное отношение связано с тем, что образ (*голубая кровь*) воспринимается на фоне архетипического представления о *чужом, инаковом*.

9. Методика проведения третьей серии эксперимента позволила более наглядно проследить *механизм культурной интерпретации образного основания идиом*. В качестве наиболее яркого примера приведем результаты анализа идиомы *белая ворона*, полученные на основе ответов реципиентов (школьников):

Белая ворона:

- разным питается, живет на деревьях, строит гнезда из веточек и сухих листьев, живет везде, не похожа на других;

- человек: дурак и умный одновременно; удачливый, везучий, удача сама приплывает ему в руки, а может быть он и невезучий, но хитрый, неаккуратный, но осторожный. Человека с такими противоречивыми качествами нет. Белая ворона - это неожиданная удача, подарок, и это невозможно, как невозможна белая ворона. Белая ворона - это если вам дается невозможное, это если что-то перевернулось в лучшую сторону, чего ты долго ждал, это когда мечты осуществляются;

- если к человеку пришла удача, он „поймал ее за хвост“;

- если упала в краску; белой вороны нет;

- если белая ворона есть, то она несет добро. Она летит по всему миру и приносит счастье в дома тех, у кого хорошее сердце и душа. Если в доме нет счастья, значит белая ворона обошла стороной, а значит, ее нет. Белая ворона - моя мама, она несет добро;

- это примета: белая ворона чахла, белая ворона сохла, белая ворона сдохла;

- белая, потому что упала в краску, захотела стать белой и упала, может потом захочет стать желтой; или испугалась кого-то... покойника;

- это птица-королева ночи, она летит ночью и сторожит своих птенцов, у нее беспокойный образ жизни;

- это кличка того, кто не держит язык за зубами;

- это когда ты отличаешься от других, выделяешься в толпе, не хочешь быть таким же серым как и все, думаешь как-то по-другому:

- когда ты не хочешь быть с другими людьми, ты сам по себе, не хочешь ни от кого зависеть;

- такого человека не существует, это идеал, человек, который смотрит в будущее;

- это человек двойственный - хороший и плохой одновременно;

- это человек вне компании, вынужден все делать сам; или он в центре внимания и ему сопутствует удача;

- что-то в голове не в порядке;

- когда человек остался в дураках, он рассеянный, медлительный и жадный;

- этот человек одевается отлично от других или одарен даром;

- это человек, который отличается от других поступками или действиями, обладает необычными интересными способностями; овладевает редкими ремеслами; необщителен или, наоборот, умеет общаться со всеми людьми. Как правило, его не понимают.

„Хотел бы ты, чтобы тебя так называли?“:

- хотел бы, потому, что был бы знаменитостью, в центре внимания, но не хотел бы, потому что тогда меня могут сбить, как птицу, прямо насмерть, ранить, оставить без крыльев, поджарить и скормить собакам;

- нет, потому что такой человек распушенный, ведет себя безобразно, у него развито самолюбие, он самодоволен;

- нет, т.к. не хочу быть бессердечной, не хочу обходить хороших людей стороной; но если бы я была белой вороной, я бы смогла помочь людям, смогла исправить то, что мне не нравится;

- нет, потому что это редчайшее, меня бы посадили в зоопарк или убили, или сделали пугало;

- нет, не хочу, чтобы на меня показывали пальцем: не такая как все, значит хуже нас; но особенной хочу быть;

- не хочу быть лучше других, задирать нос;

- нет, убьют из рогатки.

Представляется, что образ идиомы прочитывался на уровне Коллективного Бессознательного, в результате чего из его компонентов было извлечено все их мифологическое содержание. Так, в словарной статье ВОРОН [см.

Энциклопедический словарь Славянская мифология, 1995] мы находим те же сведения, которые спонтанно актуализировались в ответах испытуемых: „Ворон (В) - вещая птица,.. владеет тайнами: предсказывает смерть, нападение врагов, в былинах дает советы героям... Имеет черную окраску и противопоставляется добрым, кротким и святым птицам, в особенности голубю... Души злых людей представляются в виде черных В. Библейская легенда говорит о В., проклятом или наказанном Богом или Ноем за то, что выпущенный из ковчега, чтобы узнать, кончился ли потоп, он не вернулся назад. В наказание за это В., бывший когда-то белым, как снег, и кротким, как голубь, стал черным, кровожадным и обречен питаться падалью. С представлениями о воронах и галках как нечистых птицах связан запрет употреблять их в пищу.”

„Буквальный” образ идиомы был соотнесен с архетипами изгоя, как представителя чужого мира и пространства, и героя, способного протикать в мир иного. Отсюда характеристики человека, которого можно назвать *белая ворона* - его образ противоречив и амбивалентен: он наделен чудесными качествами - дарами; ему сопутствует удача; он одновременно умный и глупый, добрый и злой, плохой и хороший. О том, что „белая ворона” принадлежит „миру мертвых” свидетельствует тема смерти, ночи, мертвецов, несколько раз встречающаяся в ответах испытуемых. Можно говорить и о том, что образ идиомы прочитывался как иконический текст - символической значимостью награждались составляющие его элементы - „белый” и „ворон” (птица). В результате такого „прочтения” „белая ворона” превратилась в белую птицу, которая, в свою очередь, уже ассоциируется с матерью, домом, добром.

Из ответов испытуемых явствует, что быть „белой вороной” опасно, поскольку это сопряжено с социальным

неодобрением (“будут показывать пальцем”), которое, в свою очередь, является следствием установок архаической культуры, предполагающих отождествление индивида и коллектива [см. Леви-Брюль, 1994].

Приведем еще один пример, позволяющий восстановить культурные установки носителей языка (школьников).

Мелкая душонка:

- человек с маленькой душой;
- душа такая маленькая, что человек на свой возраст не годится;
- маленький человек с тонким голосом, всех боится, несчастный;
- трусливый, боится драки;
- прячется за чужие спины и ему на все наплевать;
- у такого человека интересы и чувства поверхностны. Это как корабль, который все время на мели, который не знает путешествий и странствий;
- у него пустой внутренний мир;
- не чувствует и не может понять горя других или радости;
- строит из себя доброго, а на самом деле двуличный;
- подлый, маленький, ничтожный, эгоист, единоличник;
- безличная душа;
- злой, безжалостный, для другого ничего не сделает, думает только о себе;
- его не волнуют чужие проблемы, ему не нужны родственники, семья, крыша над головой;
- у него нет мечты, это человек принципа - то нельзя, это нельзя;
- ни к чему не стремится, ведет однообразную жизнь;
- мало страдания, совести и стыда;
- наглый, надменный;

- нет сердца;
- подчиняется сильным и причиняет боль слабым;
- живет ради денег, может быть подхалимом и сплетником, нечестный;
- продажный, продажная шкура;
- нет друзей и врагов;
- марионетка;
- непостоянный, как дерево, которое раскачивается в зависимости от ветра;
- я не могу описать этого человека, потому что я такого человека не знаю. Не знаю, как бы он мог выглядеть
- душу нельзя описать. На вид он может быть нормальным;
- я не хочу, чтобы обо мне так говорили, это обидно, неприятно, оскорбительно;
- при произнесении этого слова возникает неприятная обстановка на душе.

Приведенные примеры подтверждают положение В.Н. Телия о том, что язык есть средство отражения культуры в процессах номинации, а потому выражения и воспроизведения ее вместе с использованием языка говорящим/слушающим. Следует добавить, что осознание культурной значимости идиом зависит от культурных установок субъекта, от „уровня” его культурной компетенции. Так, ряд ответов свидетельствует о том, что реципиенты не владеют культурными смыслами идиом.

Выводы

1. Испытуемые работали с идиомами как с когнитивными структурами, выявляя в них денотативные, оценочные, эмоциональные, эмотивные и стилистические компоненты значения, что доказывает валидность макрокомпонентной модели значения идиом, разработанной В.Н. Телия и соавт.

2. Результаты эксперимента подтвердили валидность гипотезы, высказанной О.В. Лаптиной и В.Н.Телией о различении во внутренней форме идиом *типового представления* (типовой гештальт-структуры) и *образной гештальт-структуры*, выполняющих разные функции в процессе восприятия идиомы: первая выступает как основание для категоризации (ответы, в которых не наблюдалась „реакция“ на образ, т.е. носители языка указывали только на денотативный и рационально-оценочный компоненты значения); вторая, помимо категоризации, является стимулом для эмоциональной реакции, а при соотнесении образа с „языком“ культуры - и эмотивного отношения.

3. Результаты эксперимента позволили выявить собственно эмоциональный компонент значения идиом как реакцию носителей языка на „буквальное“ восприятие образа, и тем самым отличить его от эмотивного компонента, который является следствием интерпретации образного основания идиомы при соотнесении его с категориями и установками культуры.

4. Результаты эксперимента подтвердили гипотезу о полимодальности образного основания идиом (как „вещного“, так и „умозрительного“), а именно, его способ-

ности вызывать в сознании носителей языка образы зрительной, слуховой, осязательной и кинестетической природы, что, в свою очередь, дает возможность онтологизировать все виды мотиваций, которые выделены в макрокомпонентной модели значения идиомы (см. Телия 1991, 1996).

5. Тот факт, что образное основание идиом вызывает в сознании носителей языка образы самой разной природы, позволяет внести уточнения в метаязык описания когнитивной процедуры, отражающей осознание образной гештальт-структуры. Представляется, что когнитивные операторы *вообрази/представь себе*, как маркеры когнитивных процессов восприятия мотивационно-образного макрокомпонента значения идиом (Телия 1991, 1996), не вполне адекватны, поскольку образ идиомы полимодален, и он может также *ощущаться, слышаться* и т.п., кроме того, этот образ не всегда „развернут“, как правило, он редуцирован. Отправной точкой решения этой проблемы может служить замечание, высказанное носителем языка в эксперименте: „Это просьба *увидеть* и *почувствовать*: „*посмотри моими глазами*“, „*почувствуй моей кожей*“. Это обращение к чувствам, а не к мозгам“.

6. Когнитивная процедура вынесения эмотивной оценки, на наш взгляд, нуждается в терминологическом расширении и должна быть представлена по крайней мере тремя «шагами»: 1) она должна содержать в себе в качестве пресуппозиции указание на установку культуры, которая ассоциируется с данной идиомой и является основанием для ее интерпретации в соответствии с этой установкой; 2) сама интерпретация имеет метаязыковой статус когнитивного оператора - «соотнеси» (по М.Л. Ковшовой); 3) после этих шагов - ввод когнитивного оператора, указывающего на чувство-оношение, вызываемое такой культурно-осмысленной интерпретацией. Этот когни-

тивный оператор может быть развернут в „грамматике” говорящего в следующей форме: *я хочу, чтобы ты испытал* положительное (или отрицательное) чувство (*одобрение/неодобрение, пренебрежение* и т.п.) по отношению к соблюдению/нарушению установки культуры.

7. Результаты эксперимента позволили выявить несколько способов описания значения идиом носителями языка: 1) через указание на денотативный и связанный с ним оценочный компоненты (например, *каша в голове* - „неспособность охватить (осмыслить) полученный объем информации, непонимание чего-либо”); 2) через описание конкретных ситуаций употребления фразеологизмов (*сердце в пятки ушло* - „когда струсил, двойку получил, когда идешь, а сзади бандит”); 3) структура знания, содержащаяся в идиоме, часто разворачивалась в своего рода сценарий или скрипт, т.е. значение идиомы было представлено в виде сообщения о причине, следствии, возможных способах поведения, итоге, описания чувств или эмоций, которые должны испытывать субъекты той ситуации, которая характеризуется идиомой; 4) указание на обобщенный или типичный (стереотипный) образ (*рубаха-парень* - „какой-нибудь крутой металлист или панк”); 5) интерпретация каждого элемента идиомы, награждение его символическим значением (например, *задеть за живое* - „живое - рана, самолюбие, то, что человек в себе ценит; *задеть* - случайно задеть, напасть, оскорбить”); 6) описание значения посредством включения идиомы в своего рода идеографическое поле (*стреляный воробей* - „это человек, который из любой ситуации выйдет сухим из воды, ему море по колено, человек, прошедший огонь и воду”). Интерпретация типа (5) характерна для мотивированных идиом - фразеологических единств (В.В.Виноградову).

8. Можно говорить по крайней мере о трех уровнях интерпретации образного основания идиомы: а) на уровне знания конвенционального значения (например, *отрезанный ломоть* - „это человек, отколовшийся от коллектива, который теперь живет по другим правилам и обратно „вливать” его нельзя”); б) на уровне личностного смысла (например, *мелкая душонка* - „душа такая маленькая, что человек на свой возраст не годится”), в) на глубинном, архетипическом уровне (*белая ворона* - „это птица - королева ночи, она несет людям добро”), когда образ или элементы образа ассоциируются с архетипическими представлениями („белый”, „ворон”).

9. Данные эксперимента позволяют говорить о том, что понимание идиомы на уровне конвенционального значения и на уровне личностного смысла - два разных, часто сосуществующих уровня репрезентации значения в сознании носителей языка.

10. Сравнительный анализ ответов, полученных в разных возрастных группах, показывает, что образное основание идиом *воспринимается* и *осознается* носителями языка всех возрастов. Доминирование образного способа восприятия - восприятия образа в его «буквальном» значении - зависит от того, знает или не знает носитель языка конвенциональное значение фразеологизма (очевидно, что дети, обладая меньшей языковой и культурной компетенцией, чем взрослые носители языка, чаще работают с образом).

11. Нашла подтверждение гипотеза, согласно которой механизм культурной интерпретации идиом, образы которых содержат элементы с символическим прочтением, состоит в соотнесении последнего с архетипическими представлениями и образами.

12. Ответы испытуемых дают основание утверждать следующее: в целом допущение о том, что значение идиом,

образное основание которых содержит элементы с символьным прочтением (и как правило носит архетипический характер), представляет собой структуру знания, включающую в качестве пресуппозиции установку данной культуры, выраженную в эмотивном макрокомпоненте - в чувстве-отношении, возникающем в результате соотнесения денотативного компонента значения с этой культурной установкой (интерпретативный уровень, предполагающий культурно-языковую компетенцию носителя языка); денотативный и сопряженный с ним оценочный макрокомпоненты (уровень номинативного замысла); мотивационный (образный) и эмоциональный макрокомпоненты (уровень индивидуально-психологического восприятия), архетипический образ/культурный код, благодаря которому элементы образа языкового наделяются архетипической значимостью (уровень бессознательной интерпретации) и актуализируют архетипическую установку, нарушение/соблюдение которой вызывает «базовое чувство» (опасно/безопасно) - глубинно-рефлексивный уровень бессознательного переживания. При этом следует отметить, что содержание ответов испытуемых различалось в зависимости от того, что оказывалось в фокусе их внимания, что вполне естественно, поскольку уровень языковой и культурной компетенции носителей языка, а также степень ее осознанности были различными, т.к. в эксперименте принимали участие испытуемые из разных возрастных групп.

1951

УЧЕНИКОВ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ УЧЕНИКОВ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ УЧЕНИКОВ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образное основание идиом разделяет свойства ментального образа - чувственной формы представления реальности: оно включает в себя содержательные черты, которые в процессе категоризации определенного фрагмента мира передает часть своих признаков в *типовое представление (денотат)* о классе обозначаемых элементов «объективной» действительности, - с одной стороны, а с другой - образное основание переживается в самых разных сенсорных модальностях, поскольку образ всегда связан с эмоциями и чувствами, насыщен личностным и культурным смыслом. И именно поэтому образное основание, выраженное во внутренней форме, выступает как стимул для мотивационного, эмоционального, эмотивного и стилистического восприятия идиом, представляющих собой микротекст, соотносимый, как уже было отмечено, с различными формами его переживания.

Взгляд на идиомы, как на единицы языка, в которых нашли отражение архаические формы сознания и соответствующие им «коллективные представления» (Л.Леви-Брюль), проясняет механизмы понимания значения идиом носителями языка: восприятие идиомы осуществляется не только на основе метафоры или метонимии, но и на основе «буквального» прочтения образа (как отголосок мифологического способа мировосприятия).

Рассмотрение идиом как единиц языка, связанных с архаическими формами сознания уточняет также функции фразеологизмов. Одной из основных функций идиом, содержание которых отражает коллективные представления, является создание "образа мира", т.е. такого образа, в котором зафиксирован и воспроизведен жизненный и культурный опыт данной лингвокультурной общности. Именно поэтому идиомы способны выполнять роль стереотипов и эталонов культуры, а

также ее установок, задающих образцы действий, ситуаций, состояний и свойств.

Большинство образов, лежащих в основании идиом, соотносятся с мифологической картиной мира, т.е. с тем базовым, архетипическим представлением о мире, которое принимается «на веру» и является общим для носителей языка, и составляет долговременную основу их культурной идентичности.

Результаты исследования вносят дополнительный смысл в понимание значения идиомы как свернутого текста, разворачивающегося в процессе ее восприятия носителями языка. Этот микротекст может быть прочитан на разных уровнях. На уровне конвенционального значения микротекст обычно воспринимается в соответствии с метафорической или метонимической «расшифровкой» в той мере, в какой это соответствует языковой и культурной компетенции носителей языка, например, *стреляный воробей* - «человек, который побывал во всех передрягах, которого обманывали, но теперь он приобрел опыт, и его не обманешь». На уровне личностного смысла, т.е. индивидуального, пристрастного отношения человека к «объективной» реальности, когда доминирует эмоциональная реакция на образ. Например, *стреляный воробей* - «это если человек очень слабый и совершил что-то плохое, и скрыл это, а потом его раскрыли. В общем воробей - это значит слабый, а стреляный - это значит на чем-то поймали». На глубинном уровне, когда понимание идиом может осуществляться через соотнесение образа в его прямом значении с мифологическими способами и формами его осознания, например, *белая ворона* - «...белая ворона... несет добро. Она летит по всему миру и приносит счастье в дома тех, у кого хорошее сердце и душа...».

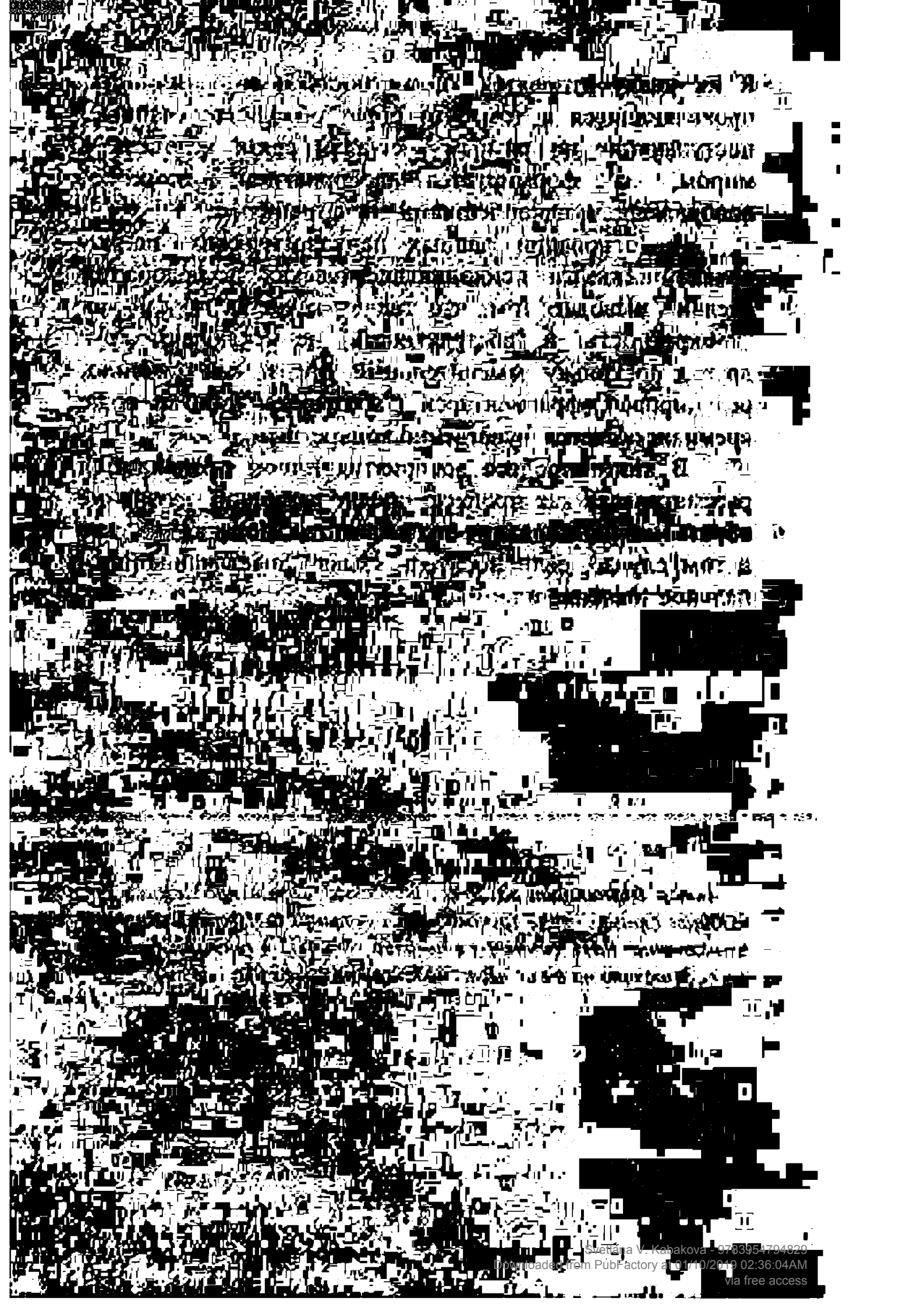
Таким образом, на основе аналитического обзора психологических и лингвистических концепций уточнены свойства образа как когнитивной структуры.

К их числу относятся целостность и синтетичность, проявляющиеся в том, что образ объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, и формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями.

На основании данных психологических, психо-семантических и психолингвистических исследований сделан вывод о том, что такие качества образа как “конкретность” и “абстрактность” не исключают друг друга, поскольку мыслительный образ, как правило, редуцирован, фрагментарен (“абстрактен”), но в тоже время он остается чувственно конкретным.

В книге процесс восприятия идиом предлагается рассматривать как процесс, предполагающий осознание образа и использование его в качестве “подсказки” даже в том случае, если носитель языка знает конвенциональное значение идиомы.

Автор благодарит за сотрудничество членов проблемной группы «Общая фразеология» (руководитель - проф. В.Н.Телия), Института языкознания РАН, основное внимание которой в последние годы было сосредоточено на теме «Взаимодействие языка и культуры».

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.** Метафора в семантическом представлении эмоций. // Вопросы языкознания. 1993, №3.
- Арихейм Р.** Образ и мысль. // Зрительные образы. Феноменология и эксперимент. Ч.1, Душанбе, 1972.
- Арутюнова Н.Д.** Метафора и дискурс. // Теория метафоры, М., 1990.
- Арутюнова Н.Д.** Семиотические концепты и метафора. М., 1996.
- Блейлер Э.** Аутическое мышление. // Труды по общей психологии. Психология мышления. М., 1981.
- Борхес Х.** Семь вечеров. // Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. СПб., 1992.
- Брунер Дж.** Психология познания М., 1977.
- Величковский Б.М.** Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Вертгеймер М.** Продуктивное мышление. М., 1987.
- Вилюнас В.К.** Психологические механизмы мотивации человека. М., МГУ, 1990.
- Виноградов В.В.** Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. // В.В.Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Выготский Л.С.** Собрание соч., Т. 2,3, М., 1983.
- Гак В.Г.** Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака. // Труды Сам.ГУ. Новая серия, № 277. Вопросы фразеологии. УП. Самарканд, 1976.
- Гибсон Дж.** Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- Добровольский Д.О.** Образная составляющая в семантике идиом. М., 1966.
- Дункер К.** Структура и динамика процессов решения задач. // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1977.
- Зельц О.** Законы продуктивной и репродуктивной духовной деятельности. // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981.
- Кант И.** Критика чистого разума. Соч.: В 6-ти т. М., 1964. Т.3.
- Ковшова М.Л.** Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1996.

- Ковшова М.Л.** Опыт семантического поля в описании идиом. // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Коффка К.** Восприятие: введение в гештальтпсихологию. // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975.
- Кюльпе О.** Психология мышления. // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1987.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры. М., 1990.
- Лакофф Дж.** Когнитивная семантика. // Язык и интеллект. М., 1995.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лотман Ю.М.** О двух моделях коммуникации в системе культуры. // Избранные статьи. Т.1, М., 1992.
- Лотман Ю.М., Минц З.Г.** Литература и мифология. // Труды по знаковым системам., 13, 1981.
- Мелетинский Е.М.** От мифа к литературе. М., 1993.
- Мелетинский Е.М.** О литературных архетипах. Чтения по истории и теории культуры. Вып.4. М., 1994.
- Никигина С.Е.** Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Олпорт Ф.Х.** Феномены восприятия. // Хрестоматия по ощущению и восприятию М., 1975.
- Осгуд Ч.** Точка зрения гештальттеории. // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975.
- Осорина М.В.** Экспериментальные исследования образных структур на разных уровнях мыслительной деятельности. Л., 1976.
- Петренко В.Ф.** К вопросу о семантике анализа чувственного образа. // Восприятие и деятельность. МГУ, 1976.
- Петренко В.Ф.** Психосемантика сознания. М., 1983.
- Петухов В.В.** К анализу концепции Л.Леви-Брюля о первобытном мышлении. // Новое в психологии. Вып. 2, М., 1977.
- Пнаже Ж.** Психология интеллекта. // избранные труды. М., 1969.
- Потебня А.А.** О некоторых символах в славянской народной поэзии. // Философия языка и мифа. М., 1989.
- Психологический словарь.** М., 1996.
- Энциклопедический словарь.** Славянская мифология. М., 1995.
- Семенцев В.С.** Трансляция традиционной культуры на примере Бхагаватгиты. // Историко-философский ежегодник. М., 1987.

- Смирнов С.Д.** Мир образов и образ мира. МГУ, 1981.
- Сорокин Ю.А.** Этническая конфликтология (Теоретический и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
- Степанов Ю.С.** Семиотика. М., 1983.
- Телия В.Н.** Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): Технология и идеология. // Макет словарной статьи для автоматизированного толкового словаря русских фразеологизмов. М., 1991.
- Телия В.Н.** Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию). // Славянское языкознание. Под ред. Н.И. Толстого. М., 1993.
- Телия В.Н.** «Говорить» в зеркале обиходного сознания. // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Телия В.Н.** Русская фразеология. М., 1996.
- Тернер В.** Символ и ритуал. М., 1982.
- Толстая С.М.** К прагматической интерпретации образа и обрядового фольклора. // Образ мира в слове и ритуале. М., 1992.
- Толстой Н.И.** Из грамматики славянских обрядов. // Труды по знаковым системам. Типология культуры. 1982.
- Топоров В.Н., Иванов В.В.** Славянские моделирующие системы. М., 1965.
- Фрейд З.** Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Фрейд З.** Психология бессознательного. М., 1989.
- Фрумкина Р.М.** Конструктивный анализ с точки зрения лингвиста и психолога. // Информационные процессы и системы. Научный сборник, №3, 1992.
- Цветкова Л.С.** Мозг и интеллект. М., 1995.
- Цивьян Т.В.** Лингвистическая основа балканской модели мира. М., 1990.
- Черданцева Т.З.** Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Юнг К.** Архетип и символ. М., 1991.
- Cacciari, C., Rumiari, R.I., Glucksberg, S.,** The Role of Word Meanings, Transparency and Familiarity in the Mental Images of Idioms // Proc. of IDIOMS, 1992.
- Gibbs, R.W.,** Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity, Cognitive Linguistics, 1990.
- Kovecses, Z.,** Emotion Concepts, Berlin, 1990.

Lakoff, G., *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought*. Second Edition, Cambridge, 1993.

Paivio, A., *Imagery and Verbal Processes*, New York, 1971.

Paivio, A., *Mental Representation: A Dual Coding Approach*, Oxford, 1986.